

Валерий Пушной

ПРЕВОЖНОЕ
ПОРЖЕСТВО

Валерий Пушной
Тревожное торжество

Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ"

2019

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)

Пушной В.

Тревожное торжество / В. Пушной — Издательско-Торговый Дом
"СКИФИЯ", 2019

ISBN 978-5-00025-184-3

Пытаясь вырваться из замкнутого круга неудач в личной жизни, главный герой мечется между женщинами. Но его бег – как бег со спутанными ногами. А когда ему кажется, что вот-вот осуществится то, о чем он давно мечтал, именно тогда наступает момент истины.

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)

ISBN 978-5-00025-184-3

© Пушной В., 2019
© Издательско-Торговый Дом
"СКИФИЯ", 2019

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	12
3	21
4	31
5	41
6	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Валерий Пушной

Тревожное торжество

© Пушной В., 2019

© Оформление. ООО «ИТД “Скифия”», 2019

Часть первая

1

Дорога, если к ней привыкаешь как к части своей жизни, никогда не оставляет равнодушным. Огромное количество людей много времени проводят в дороге и потому врастают в нее, как деревья своими корнями крепко вросли в землю по сторонам этой дороги.

У Павла Хавина дорога всегда вызывала противоречивые чувства. Иногда она нравилась и успокаивала, и он смотрел на нее сквозь стекла автомобиля с удовольствием. Иногда дорога раздражала и даже злила, ибо мелькание машин и неизменные гонки создавали ощущение, что постоянно куда-то несешься и не можешь остановиться, и вся жизнь летит кувырком к чертовой матери, не успеваешь перевести дух.

Оглянешься, а полжизни как корова языком слизала. И где они, эти полжизни, бейся лбом о стену – не сообразишь. Может, затерялись в дорожной толкотне, покрывшись коростой затвердевшей грязи после весенне-осенних дождей и слякоти. Может, испепелились в солнечном жареве лет. А может, вымерзли в ледяном холоде зим.

Но, с другой стороны, где еще, как не в дороге, хорошо думается и вспоминается. И даже если эти воспоминания разочаровывают и навевают тоску.

Однажды вдруг человек осознает, что прожил жизнь не так, как хотел, и не так, как нужно было. Перевернуть бы все, да не в силах. Начать с нуля невозможно, а продолжать – нет смысла. Итогом прожитой жизни оказывается разбитое корыто, как у старухи из сказки. Предъявлять претензии некому, а себя обвинять невыносимо. Остается только надеяться, что все еще изменится и пойдет иным чередом.

Хавин не мог для себя определить, как он относился к собственной жизни. За сорок пять лет намешано в ней много разного. Успешный бизнесмен с мягкими манерами, ухоженный, привлекательный и спокойный. Но почему-то, несмотря на все успехи в бизнесе, не очень удачливый в личной жизни. Уже дважды был женат, и всякий раз жены сами уходили, хлопая дверьми перед его носом. С грустью замыкался в себе, оставлял все, что наживали вместе, и начинал заново. Душевные раны затягивались медленно и болезненно.

После разрыва со второй женой пролетело полгода, и Павел понемногу приходил в себя. Впрочем, угнетала мысль, что за сорок пять лет так и не научился делать счастливыми женщин, находившихся рядом.

Теперь он думал, что никогда больше не наступит на одни и те же грабли. Всякий раз жены, разрывая с Павлом, говорили, что жить с ним неинтересно, просто невозможно. Что все деньги, какие имелись у Павла, не принесли счастья и что счастье, в конечном итоге, не в деньгах, ибо они приносят комфорт, но не гарантируют семейный успех.

Он не понимал жен, а жены не понимали его.

Сейчас он, в светло-коричневых брюках и светлой рубашке с коротким рукавом, сидел на заднем сиденье автомобиля и смотрел сквозь стекла на дорогу, которая неслась под колеса. У него был красивый овал лица, тонкие черты и карие глаза. Аккуратная короткая прическа. Мужчины с такой внешностью обычно сразу производят впечатление на женщин, но Павла это не утешало, особенно после распада второго брака.

Автомобиль гнал на предельной скорости. Хавин недовольно пошевелился. Водитель остро уловил недовольство, машинально сбросил скорость. Затылок водителя перед глазами Павла топорщился черным пучком коротких волос. Хавин распорядился припарковаться у первого придорожного кафе или ресторана, перекусить. В ответ – быстрый кивок головой и короткое «угу».

Километров через пятнадцать подъехали к двухэтажному зданию ресторана. Павел вылез из авто на цветную тротуарную плитку. Осмотрелся. Четыре машины на парковке. Сбоку от ресторана, в тени деревьев – беседки с летними столиками. Официанты шныряют туда-сюда с заказами посетителей, расположившихся в беседках. Цветы на клумбах. Солнце в зените, печет нещадно. Хавин шагнул к дверям ресторана, коротко бросив водителю: «Пошли».

Зал ресторана средних размеров на десяток столиков. Два столика заняты. Павел прошагал к свободному. Мельком глянул в меню и сделал официанту заказ на двоих. Водитель тихо уселся напротив. Хавин пробежал глазами по посетителям.

За первым столиком пара средних лет, не смотря друг на друга, молча, сосредоточенно уплетала блюда, аж за ушами трещало. Мужчина лысоват и тороплив в движениях, женщина с жиденькими волосами сдержанна и копотлива.

За вторым столиком – молодая парочка. Симпатичные ребята. Блюда побоку, поедали глазами друг друга. Впрочем, Хавин видел сбоку, что неотрывно влюбленно пялился на девушку парень, у нее же на лице улыбка была застывшей, как бы искусственно вылепленной. И глаза пустые. Она рассеянно, мимолетно повела взглядом в сторону Хавина. И Павел отметил про себя, что девушка очень красива.

В этот момент официант принес блюда, Хавин взял в руки столовые приборы. Немолодая пара, расплатившись, чинно прошествовала к выходу. Женщина – впереди, высоко и гордо неся голову. Мужчина семенит следом, покачивая лысоватым затылком.

За ними поднялись молодые. Все тот же отсутствующий плавающий взгляд девушки скользнул по Хавину. И Павел почему-то вздрогнул, как от укола. Пронзило чувство неудачника, коего бросают женщины. Заскрипел зубами, когда за девушкой захлопнулась входная дверь. И вдруг вскочил из-за стола и кинулся к выходу под удивленным взглядом водителя.

Остановился на высоком крыльце, ослепнув на миг от яркого солнца. Парочка подошла к машине. Хавин поймал себя на мысли, что хочет смотреть на девушку. Странное желание, глупое и бессмысленное. Чем она вдруг зацепила его? На вид ей лет двадцать. Светловолосая, стройная, в белом тонком топе и короткой легкой юбчонке, открывавшей длинные ноги. Ее спутник распахнул дверцу машины, чмокнул девушку в щеку и помог сесть в салон.

Павел стоял неподвижно, пока машина не отъехала от ресторана, лишь потом вернулся к столу. Водитель допил сок и оторвался от стула. Хавин раздраженно ковырнул вилкой мясо, аппетит пропал, рассеянно посмотрел на водителя. Тот смущенно кашлянул и двинулся от стола.

После этого Павел еще долго одиноко сидел за столиком, задумчиво смотря в одну точку. Случаются в жизни мимолетные прикосновения взглядом, которые оставляют следы в памяти. Впрочем, он даже не запомнил лица девушки. Попроси описать, описал бы одним словом: красавица. И все. Но был укол и вспышка. Вот это он хорошо помнил.

Попросил принести водки, холодной, в графине. А когда официант наполнил рюмку, посмотрел на нее с остервенением, как смотрят на своего врага, с которым вынуждены обниматься. И одним глотком опустошил рюмку. Потом вторую, третью и четвертую, не закусывая. Как воду.

Потребовал счет и полез в карман за кошельком. Но тут же заказал новый графинчик. Почему пил, не осознавал до конца. То ли замордовали неудачи с женщинами, то ли стало грустно, что, обратив внимание на девушку, знал наперед: всякая новая женщина – это грустное повторение пройденного.

После часового ожидания водитель заглянул в дверь и поразился. Всегда знавший меру Хавин был пьян в стельку. Полулежал за столом. Подобного никогда не бывало. А ведь с утра торопил, чтобы к вечеру доехать до места. На какую-то встречу. Какая теперь встреча,

добраться бы до первой гостиницы в ближайшем городке. Но официант сообщил, что на втором этаже есть гостиничные номера, и помог водителю довести Павла до постели.

Очнулся Хавин среди ночи. Открыл глаза, увидел темный потолок, всмотрелся в него расплывчатым взглядом. Не сразу сообразил, что лежит на кровати. В одежде и обуви. Повернулся на бок, сел. В голове поплыло. Потом разглядел на второй кровати спящего водителя. Припомнил, что произошло. Скверно, все скверно. Его мучило, к горлу подступала тошнота. Стал на ноги. Качаясь, тронулся к двери. Вышел в коридор. По нему в темноте протопал к лестнице, спустился вниз. На улице вдохнул полной грудью свежего воздуха. Стало чуть легче. Глянул в ночное небо, на тусклый свет светильников вдоль здания, сошел с крыльца.

С автомагистрали доносился шум машин. Свет от фар пролетал мимо на высокой скорости. Павел глубоко втянул в себя воздух. Хмель продолжал цепляться за его мозг. Хавин шагнул к летней площадке. Беседки были пусты. Свет светильников отбрасывал от них длинные тени. Павел вошел в крайнюю беседку, сел за пластмассовый столик спиной к ресторану и положил руки на столешницу. Пластмассовый стул показался ему жестким, Хавин недовольно поерзал и стал смотреть перед собой, подставляя лицо под слабый ночной ветерок.

В таком положении просидел долго, ощущая, как голова приходила в норму. Потом услышал у ресторана шум припаркованного автомобиля. Через некоторое время раздался шаг. Павел повернул голову. К беседке подошел парень, и Хавин узнал в нем спутника девушки, которая понравилась ему днем. На парне были джинсы и джинсовая рубашка с коротким рукавом. Девушки не было. Хавин почему-то с придыханием подумал, что она, вероятно, сидит в машине. Парень безразличным тоном спросил:

– Вы один? – хотя прекрасно видел, что больше никого нет.

– Один, – отозвался Павел.

Парень рассеянно шагнул в беседку и плюхнулся на стул напротив. Не спрашивая разрешения. Хавин проследил за ним, удивленно вскинув брови. Затем еще раз обернулся, отыскивая взглядом его авто, словно хотел увидеть, как из салона выйдет девушка, но не увидел. Парень молчал, барабанил пальцами по крышке стола. Это странное поведение вызывало любопытство. Хавин чувствовал, как голова свежела все больше.

Молчание затягивалось. Павел не прерывал его. Он видел, что у парня не было желания разговаривать. И уже сомневался, что девушка находится в машине. Наконец, чтобы разрядить неловкое молчание, негромко произнес:

– Помнится, днем вы были вдвоем.

Парень перестал барабанить по столешнице, поднял глаза на Хавина:

– Да, все так, – подтвердил.

И Павлу показалось, что парень облегченно вздохнул, когда с ним заговорили.

– Где же теперь ваша спутница? – продолжил Хавин.

Парень нахмурился и неловко зашевелился:

– Спит в постели на втором этаже. Мы комнату сняли, – произнес неохотно и как-то безрадостно, пригладив рукой короткий чубчик. – А я вот катаюсь туда-сюда.

Новый вопрос вылился у Павла сам собой:

– Почему же вы не спите?

Лицо у парня сделалось более унылым, и он монотонно отозвался:

– Не сплю.

Вялый и странный диалог прекратился сам собой, потому что не о чем было больше говорить. Парню явно не хотелось обсуждать свои проблемы, однако определенно его что-то мучило, и эти мучения отражались на лице. У него была приметная внешность, запоминающаяся, обращающая на себя внимание.

Видя, что его внимательно рассматривают, парень поежился и протянул Павлу руку, называя свое имя:

– Валентин.

Хавин пожал ее:

– Павел. Хавин, – назвал себя и ощутил, что рука парня вспотела от волнения. Ладонь была узкой и мягкой, словно ватная. Затем Павел спросил:

– Она ваша жена?

Валентин тягуче и тяжело вздохнул, потер руку об руку и грустно отозвался:

– Да. Юлия.

Павел про себя произнес это имя, и ему показалось оно певучим и приятным, ласкающим и нежным, от него будто потянуло теплом и светом. Эти ощущения удивили Павла, и он заметил Валентину, что у его жены красивое имя. Тот неопределенно покачал головой, встал со стула, вышел из беседки и молча двинулся к зданию. Оно застыло, словно во сне: все окна в нем были темными. Бледный свет светильников падал на стены и едва достигал второго этажа. Хавин смотрел в спину парню, пока Валентин не скрылся за дверью. Было понятно, что между Валентином и Юлией что-то произошло. А у Павла в душе появился странный жар. И этот жар медленно распространялся по всему телу. Его охватило странное состояние, но это был не хмель, это было смятение в сердце.

Хавин поднялся и прошелся вдоль здания, унимая волнение. Потом остановился и долго неподвижно стоял, бездумно смотрел на дорогу. Услышал хлопок двери за спиной, оглянулся. Быстрым шагом к машине шел Валентин. Взъерошенный и сердитый. Выхватил из кармана брелок, пискнул сигнализацией. Отрешенно глянул в темноте на Хавина. Вызывающе произнес, как будто выплюнул:

– Все! Конец! Прощайте! Больше не увидимся! – Зло прыгнул в машину и сорвал ее с места.

Павел неторопливо вернулся к беседке. Но не успел сесть за столик, как из двери выбежала Юлия. Заметалась, выкрикнула:

– И не надо, не надо, не надо! Не хочу больше! – А что не надо и чего не хочу, не сказала, но Павел понял, что его догадка подтвердилась: между Валентином и Юлией произошла размолвка.

Девушка вскинула голову, посмотрела вокруг и неожиданно прямоком устремилась к Хавину. У того перехватило дыхание. Ее стройная фигурка приближалась. Павел не отрывал глаз. Она была превосходна.

– Вы видели? Нет, вы видели? – резко спросила Юлия, войдя в беседку.

Павел кивнул, хотя надо было что-нибудь ответить. Но его голос словно надорвался и застрял в горле. Юлия стояла перед ним, он хорошо видел ее лицо, слышал дыхание и улавливал запах. Это было приятно ему. Но внезапно в голове мелькнула мысль, что Юлия вдвое моложе, что надо оторвать от нее взгляд и прийти в себя. Тем не менее все в нем восставало против такого.

Совсем недавно, после всех неудач с женщинами, он был убежден, что подобное чувство уже никогда не оживет в нем. Между тем это убеждение заколебалось еще днем, когда увидел Юлию в ресторане, а сейчас колебание только усилилось.

Юлия смотрела Павлу прямо в глаза. Как будто обрадовалась ему, хотя он помнил, что в ресторане она лишь мельком взглянула в его сторону.

Хавин наконец сделал усилие, оторвался от девушки и сел за столик, движением руки приглашая ее сесть напротив. И когда она опустилась, задал вопрос:

– Что случилось, Юлия?

Девушка взглянула удивленно, потом пристально, а после слабо улыбнулась:

– Вы знаете мое имя? – Помолчала и неожиданно выдала: – Я вам нравлюсь. Я заметила днем, в ресторане. – Она поправила волосы, открывая красивые уши.

Павел на секунду оторопел, оттого что Юлия мгновенно раскусила его. И подтвердил:

– Не скрою, очень нравиться.

– Вы мне – тоже, – неожиданно призналась Юлия.

Хавин посмотрел недоверчиво, проговорил:

– В ресторане вы так были увлечены своим мужем, что рассмотреть меня просто не могли.

Юлия поморщилась, словно Павел сказал совсем не то, чего она ждала от него в эти секунды:

– Это муж был увлечен мною, – отрезала с раздражением. – А я не хочу его!

Хавин не мог объяснить, что с ним творилось в эти мгновения, но с ним определенно уже что-то происходило. А Юлия вдруг огорошила вопросом:

– Вы хотите со мной в постель?

Павел смешался. На такой вопрос нужно было либо не отвечать, либо ответить честно.

И он, помолчав, твердо произнес:

– Хочу. Странно было бы, если бы я не хотел этого.

Она решительно поднялась из-за столика и подала руку:

– Пойдемте.

Павел поцеловал ее пальцы и спросил:

– А если вернется муж?

Юлия недовольно нахмурилась:

– Какое это имеет значение? Я хочу в постель с вами. Прямо сейчас. Что же вы медлите? –

Настойчиво потянула его за собой. – Может быть, мы с вами никогда больше не встретимся и всегда будем сожалеть о том, что не провели ночь вместе.

Павла изнутри жег огонь:

– А если потом придется терзаться, что расстались?

Рука Юлии чуть дрогнула:

– Во всяком случае, это лучше, чем засыхать без любви.

Хавин быстро встал с места.

Она пошла впереди, не выпуская из своей руки его руку. И чем ближе они подходили к входу в здание, тем больше он ощущал, как ее пальцы крепче сжимали его ладонь. Как будто Юлия опасалась, что он может вырвать руку и неожиданно исчезнуть. А ему казалось, что все снится и что он вот-вот проснется и Юлия растворится в ночи.

У двери Павел рывком прижал ее к себе и впился губами в губы. Она не сопротивлялась, обхватила его. Потом они вошли внутрь, поднялись по лестнице на второй этаж.

Юлия открыла дверь в свой номер. Павел ощущал сильный жар от ее тела. Сейчас он забыл, что еще недавно чувствовал себя опустошенным и разочарованным. Слышал только уханье собственного сердца в груди. Подхватил ее на руки и понес в постель.

Пальцы Юлии впелись в кожу Хавина, она призывно стонала. Кипела и била через край, скидывалась и затихала.

Потом они отдыхали. И Юлия хотела знать, понравилась ли она ему в постели.

– Вы восхитительны, – отвечал Хавин.

Юлия прикрывала ему рот ладонью, прося, чтобы он не называл ее на «вы», а то она чувствует себя старой!

Хавин попросил о том же. Но она возразила, сослалась на то, что с ним незнакома, даже не знает имени.

– Давай познакомимся, – сказал он негромко.

Но Юлия задумчиво и досадливо обронила:

– А зачем? Быть может, это наша первая и последняя встреча. Я не хочу ни о чем сожалеть.

– Ты не хочешь знать, как меня зовут?

– Нет. Это ни к чему. – Она сделала глубокий вздох, высоко поднимая грудь.

Павел напружинился. Так приятно ласкать красавицу и видеть, что она охотно принимает твои ласки.

Юлия повернулась к окну. С улицы начинал пробиваться утренний свет. Показала рукой, проговорила:

– Рассветает, – и вновь вздохнула.

Павел в ее голосе уловил тоску, будто Юлия не радовалась рассвету. И Хавину хотелось, чтобы она сожалела, что у них все прерывается. Но он понимал, что это неизбежно, как бы ни хотелось иного. Проговорил:

– К сожалению, все хорошее когда-нибудь заканчивается. Иногда это случается очень быстро.

Оба умолкли. Долго лежали без движения. Было слышно тиканье часов на стене. Это тиканье уже начинало изводить Хавина, когда раздался голос Юлии:

– Поцелуйте меня еще, – сказала она и порывисто прижалась к Павлу.

Хавин обнял ее. И весь мир сразу куда-то исчез. Время перестало существовать.

2

Казалось, ночь пролетела мгновенно, как пролетает птица над головой. Мгновением не надышишься и не утолишь жажду, но именно оно кажется прекрасным и неповторимым.

Все так непредсказуемо и неожиданно случается порой. Вчера в ресторане и Павел и Юлия очень удивились бы, если бы им сказали, что ночь они проведут в одной постели. А сейчас и он и она не хотели расставаться. Но Павел и Юлия знали, что он должен уйти, а она должна закрыть за ним дверь. Он собрался. Она стояла, ждала, отвернувшись к окну.

– Я пошел, – сказал он.

– Да, да, – кивнула она в ответ, не оборачиваясь.

– Я пошел, – повторил он.

– Да идите же наконец, не мучайте меня! – выплеснула она.

Он шагнул к двери, взялся за ручку, дверь легко поддалась. Мелькнула мысль, что они забыли запереть ее. Оглянулся на Юлию. Та по-прежнему смотрела в окно. Ее красивое голое тело купалось в утренних лучах. Павел распахнул дверь и вышел. Все закончилось, осталось в прошлом. Не вернуть. Да и стоит ли? Назад хода нет. Он твердо направился к своему номеру.

Водитель не спал, уже сидел на кровати полностью собранный. Встретил Хавина вопрошающим взглядом, но ни о чем не спросил.

Павел раздвинул шторы, впуская в комнату слепящее солнце. Подумал: все хорошо, все хорошо. Он не осуждал ни себя, ни Юлию. Произошло так, как произошло. Жизнь продолжается. Посмотрел на часы. Он ехал в небольшой периферийный городок к приятелю на день рождения его жены. Ехал, чтобы отвлечься от всех накативших на него неурядиц. Вообще-то он не любил ездить по гостям, но давний приятель для него был как отдушина.

– Ну, что, трогаем? – спросил водитель, привставая с постели.

Хавин промолчал, и водитель снова сел, скрипнув матрасом.

Юлия пошла под душ, когда за Павлом захлопнулась дверь. Если она и сожалела о чем-то, так лишь о том, что все так быстро закончилось. Струи прохладной воды текли по волосам и телу. Успокаивали. Скоро все забудется, думала она, жизнь потечет по прежнему руслу, вяло и безразлично. Впрочем, кто знает, как будет дальше.

Она отключила воду, обтерлась полотенцем, вышла из душевой, оделась. Пора отсюда уезжать. Денег в сумочке достаточно, чтобы добраться до города на любой попутке. Сунула ноги в босоножки и шагнула к выходу.

На улице, на парковке неожиданно для себя увидела мужа. Он хмуро стоял около машины. Глаза их встретились. Валентин содрогнулся, а Юлия поморщилась, будто появление мужа испортил ей праздник. Маленькими шагами направилась в его сторону.

На лице Валентина дернулось какое-то жалкое презрение. И она, похоже, поняла, почему оно было таким. Юлия вскинула голову и тоже посмотрела пренебрежительно. Подойдя, недовольно спросила:

– Зачем ты вернулся?

Валентин расширил ноздри и задышал враждебно, но больше это походило на детскую обиду:

– Я все видел.

Юлия безразлично пожала плечами:

– Ну и что?

Обида захлестнула Валентина:

– Дверь в номер была открыта, – крикнул громко. Он хотел сказать, что он не подглядывал, он не мог опуститься до этого, что все произошло случайно.

Но Юлия равнодушно фыркнула в ответ, словно все, о чем он говорил и хотел еще сказать, ее совершенно не касалось:

– Ну и что?

Валентин задрожал. Казалось, он готов был вцепиться ей в горло, сдавить так, чтобы из него больше не вырвалось ни одного слова:

– Я убью тебя!

Юлия хмыкнула:

– Ну и что?

Валентин схватил ее за плечи. А она подумала, что, наверно, это хорошо, что он все видел, потому что он должен наконец понять, что между ними нет никакой любви, по крайней мере с ее стороны. Хорошо, если бы он сейчас ее ударил, тогда бы у нее была причина возненавидеть его и не чувствовать себя грешницей. Но Валентин не ударил, он лишь оттолкнул, захлебываясь негодованием:

– Я убью его!

Юлия усмехнулась с недоумением:

– За что? Он-то при чем? Я сама затащила его в постель, потому что он мне понравился.

У Валентина вытянулось и покраснело от натуги лицо, в глазах мелькнуло изумление:

– Что? – захлебнулся он собственным вопросом и потерянно переспросил: – Ты сама затащила? Он тебе понравился? Да когда он успел тебе понравиться, во сне, что ли? Ты же укладывалась спать, когда я ушел! Кто он?

В этот миг Юлия не сожалела, что не знала ответ, но вздохнула невесело и с досадой:

– Не знаю.

Валентин снова встряхнул жену за плечи, голос его прозвучал в ее ушах, как кваканье:

– Как это? Как это? Как это? Ты не знаешь, с кем переспала? Да ты потаскуха!

Юлия резко оторвала его руки от себя, зло глядя ему в глаза:

– Нет, и тебе это известно!

Валентин не мог поднять на нее руку, хотя ему представлялось, что достаточно еще маленького толчка и он не сумеет сдержаться:

– Я верю собственным глазам! Ты все мне врешь! Он намеренно приехал в этот ресторан, а ты умышленно устроила вечером скандал, чтобы остаться одной! Вы заранее договорились! Да, вы договорились!

Юлия поморщилась. Какая белиберда. Хотя, наверно, лучше было бы, если бы все случилось так, как говорил Валентин, тогда бы не пришлось оправдываться. А теперь вот выслушивай незаслуженные упреки. Она вздохнула:

– Нет. Я не знаю его.

Валентин растерянно уставился на нее, а потом обреченным, но ровным голосом выдал из глубины обеспокоенной души:

– Тогда ты и есть настоящая потаскуха, если тащишь в постель первого встречного.

Когда Валентин первый раз назвал ее потаскухой, она восприняла это как крик его души, ибо знала, что Валентин не верил в то, что говорил. Однако теперь его голос был иным. Похоже, что Валентин начинал верить собственным словам. Впрочем, сейчас Юлии было безразлично, что думает муж, она просто не желала несправедливых обвинений. Она никогда не была потаскухой и никогда ею не будет, как бы не сложилась дальнейшая жизнь. И Юлия решительно и даже грубо оборвала мужа:

– Нет! И не смей произносить это слово в мой адрес!

Мученическое выражение пробежало по лицу Валентина. Он как бы потерял опору под собой, схватился за ручку дверцы авто и посмотрел с надеждой:

– Ты моя жена, я люблю тебя. А ты с ним легла в постель. – Сжал кулаки, сделал паузу, раздумывая, стоит ли говорить следующие слова, и все-таки они вырвались наружу: – Я не верю ни одному твоему слову.

Юлия грустно развела руками:

– Вот в этом все дело, – вздохнула. – А он поверил мне сразу.

Валентина передернуло, но он смолчал. Юлия подошла к машине, села на заднее сиденье. Он, придя в себя, аккуратно закрыл за нею дверцу и занял водительское место. Никогда прежде Юлия не садилась на заднее сиденье, но сейчас между ними образовалась трещина. Валентин всей кожей ощутил ее.

Он давно был влюблен в Юлию. А она их дружбу воспринимала как совместное время-препровождение и не более того. Он часто делал намеки, что хочет жениться на ней, но это всегда смешило Юлию.

И так бы, вероятно, все закончилось ничем, если бы мать вдруг не стала упорно втолковывать ей, что Валентин это достойнейшая пара и что лучшей партии просто не найти. А отец Юлии обыкновенно жестко сломил сопротивление дочери.

Свадьбу сыграли пышную. Но только через неделю Юлия смогла уговорить себя лечь в постель с Валентином. С первого дня начались размолвки. Холодность Юлии огорчала его. Но он по-прежнему смотрел на нее зачарованными глазами. Надеялся, что все между ними наладится.

Однако эта ночь и этот неизвестный человек поколебали его надежду.

В зеркало заднего вида Валентин наблюдал усталое лицо Юлии с выражением загадочной радости. Такого лица он никогда прежде не видел. С болью подумал, что она, став его женой, так и не стала его женщиной. А он, ее муж, не сумел стать ее мужчиной.

Но он по-прежнему сильно любил ее.

Ночью, когда уехал от Юлии, уверен был, что не вернется, однако быстро оттаял и снова потянулся к ней. И возвратился к ресторану. Поднялся наверх. Дверь номера оказалась незапертой. Он приоткрыл ее и оторопел. Не поверил собственным глазам. Жена лежала в постели в объятиях другого мужчины. Жар прошел по всему телу. Валентин застыл на месте. В глазах зарыбило. Внутри все оборвалось, превратилось в черное облако.

Он чувствовал себя униженным. Противно, словно подглядывал в щелку. Надо было что-то делать. Взять и убить двоих. Убить, убить. Он закрыл глаза, до боли прикусил губы, сжал кулаки и... тихо притворил дверь.

Ему было стыдно за свое малодушие. Но он уходил. Душила ревность, перед глазами стояло трепещущее тело Юлии в объятиях другого мужчины. Но он уходил.

На улице возбужденно топтался вокруг автомобиля, истекая ненавистью ко всему, что окружало его.

А сейчас спокойствие Юлии бесило Валентина. Кажется, она совсем не чувствовала угрызений совести. Она тихо дремала. А он гнал машину по дороге, следя за женой через зеркало заднего вида и цедя сквозь зубы:

– Довольна?!

Юлия очнулась от дремоты. По губам у нее блуждала слабая улыбка. Как будто ее ночное приключение еще не закончилось. Валентин снова раздраженно спросил:

– Тебе не стыдно?

Нет, ей не было стыдно. Ведь она ничего не украла. Просто случилось то, что все равно когда-нибудь должно было произойти. Валентин не должен был идти на поводу у отца, не должен был жениться на ней. Он, конечно, неплохой человек и другая, может быть, с ним была бы счастлива, но ей нужен не такой.

– Не такой, – прошептала она. И чтобы позлить его, спросила: – Ты что-то сказал?

Валентин чувствовал, что все начинает рушиться, лопаться, как мыльный пузырь. И их семья, и надежды отцов на процветание бизнеса. Вот только сможет ли Юлия на этот раз устоять против воли отца? Вряд ли. Скорее, все останется как есть. Семья должна сохраниться. А он будет любить Юлию, какая бы она ни была. И надеяться, что сегодняшнее происшествие постепенно выветрится из их памяти. Жизнь длинная, она перемалывает и не такие события.

Валентин посмотрел на Юлию уже другими глазами, он простил ее и отозвался на ее вопрос:

– Да нет, ничего.

Юлия поморщилась, она не нуждалась в его прощении. Ей ничего не хотелось забывать. Ей претила безвольность мужа сейчас.

Между тем Валентин не был слабохарактерным человеком, из какого можно лепить все что угодно. Он был молод и здоров, хорошо сложен. Черные глаза, длинные ресницы, прямой нос. На него западали многие девушки. Но его словно замкнуло на одной Юлии. Что в ней было особенного, он не мог объяснить. Она для него вся была особенная.

Валентин, не оборачиваясь, заговорил тоном, будто ничего не случилось:

– Куда поедем? – спросил он, как сутки назад, когда ничто не предвещало ночных событий.

Юлия пожала плечами, она не знала, куда ей нужно сейчас ехать, вовсе не думала об этом. Тогда муж добавил:

– Целый день впереди, не дома же сидеть. – Он давал ей понять, что отрезал, как ножом, ночное происшествие и не хочет никогда впредь вспоминать о нем.

Чего в этом было больше, благородства или толстовства? Юлия не поняла. Хотя наверняка знала, что родители попросту называли бы сына тряпкой и слюняем. Теперь она должна была или принять, или отторгнуть его жертву. Впервые Юлия осознала, каким тяжким грузом у нее на душе лежала его жертвенная любовь к ней. Увы, но чужая любовь может не только окрылять, она может угнетать и разрушать.

– У меня есть предложение, – продолжил Валентин, – если ты не возражаешь, поедем куда глядят глаза.

Юлия продолжительнее посмотрев на затылок мужа:

– От себя не убежишь, Валентин.

– Не надо больше об этом, – попросил он. – Прости, что я был груб с тобой. На меня что-то нашло.

Юлия усмехнулась:

– Странно было бы, если б не нашло.

Валентин понял ее усмешку. И с отчаянной грустью выплеснул:

– Я не хочу потерять тебя. Я тебя никому не отдам!

Юлия покачала головой. Ей это не понравилось. Это было не по-мужски. Такого мужа ей не за что было любить, даже уважать. Она холодно проговорила:

– Отдам, не отдам. Все это так смешно, Валентин. Я ведь не маленькая девочка, но я и не вещь какая-то, чтобы мной распоряжаться.

Валентин до боли сжал скулы, он сам был противен себе:

– Прости, я не это хотел сказать, – выдавил хрипло. – Никто тебя вещью не считает. Ты просто, как капризная девочка.

Юлия вздохнула, она давно уже не девочка, и этой ночью осознала, что превратилась в настоящую женщину. Женщину, способную любить до изнеможения. Отвернулась:

– Перестань, Валентин. Вези куда хочешь, – и прикрыла глаза.

Валентин хотел что-то ответить, но молча проглотил слова. А Юлия тихо провалилась в забытье.

Павел Хавин слышал, как по коридору простучали каблучки Юлии, и подумал, что она уходила из его жизни навсегда.

Эта ночь была, как сумасшествие. Он вновь испытал то, о чем пытался забыть. Он чувствовал, что это было не просто случайным ночным приключением. Его зацепила эта девушка, которой он годился в отцы. А ему совсем это не нужно. Он не готов к новым экспериментам с любовью. Она права, что не захотела даже узнать его имя.

Павел как бы расставил все по своим местам, вот только не было гармонии в душе, и это мучительно беспокоило.

Покинув номер, сел в машину и попытался забыться. Но Юлия не выходила из головы, и Хавин злился на себя. Всю дорогу до городка хмурился и скрипел зубами. На окраине остановил автомобиль и позвонил приятелю. Голос того был возбужденно-веселым:

– Ну, ты где, Павел? – спросил он громко. – Скоро начинаем торжество. Уже гости собрались. Только тебя нет. Жена волнуется. Начинает пилить мне шею. Так что не опаздывай, не подводи меня под монастырь и не обижай именинницу.

Хавин в этот момент представил худое лицо Анатолия Адаевского с его длинноватым носом и вытаращенными глазами и невольно улыбнулся. Отозвался:

– Сейчас, только устроюсь в гостиницу и – к тебе.

В ответ голос Адаевского застрочил новыми словами, как пулями из автомата:

– Жду, Паша. Жду, жду, жду. Давай побыстрее там. Надеюсь, не забыл дорогу в мой загородный дом? Включай двенадцатую скорость и несись ко мне во весь опор. Гульнем на славу! Без тебя начинать не будем!

– Все понял, – сказал Хавин. – Быстро буду.

Снял номер в гостинице и сразу отправился дальше. Завернул в цветочный магазин с яркой вывеской над дверью и купил большой букет роз. Подарок для жены Анатолия у него был приготовлен заранее. Золотое кольцо с бриллиантом.

Подъехав к загородному дому с черепичной кровлей и высокой каминной трубой из красного кирпича, Хавин услышал музыку за металлическим забором. Водитель припарковал автомобиль, где вдоль забора уже стояли машины.

Открыв калитку, Павел увидел на широкой бетонной площадке перед двухэтажным домом толпу гостей с цветами и подарками в руках. Навстречу ему из этой толпы выскочил Адаевский, размахивая длинными дланями:

– Павел, чертяка, как я рад тебя видеть, – обхватил Хавина.

Анатолий был высоким мужчиной, худым и нескладным. Но одет был с иголочки. Белая рубашка под черные брюки, черные туфли и черные тонкие носки. Ворот рубахи расстегнут, открывая кадык на горле. Мимика лица делала черты выразительными. Отстранившись от Павла, он спросил:

– Ты опять без жены приехал? Твою вторую жену я до сих пор так и не видел, – развел руками и посмотрел на калитку, будто бы ждал, что оттуда должна появиться жена Хавина.

– Теперь уже не увидишь вовсе, – обескуражил его Павел. – Развелся я, – спокойно пояснил, понимая, что еще много раз ему придется говорить об этом своим знакомым.

Адаевский замер, кадык на его горле сделал движение вверх-вниз:

– Лихо ты, закручиваешь, Паша. И эта не устроила? А я вон со своей Людмилой почти двадцать лет оттрубил. Чего только не было. Да ты знаешь.

Хавин прищурился:

– Это я ее не устроил, Толя. Бросают меня женщины, бегут, как от чумы, – вздохнул, но в этом вздохе не было сожаления, скорее всего, это был вздох облегчения.

Анатолий понял Павла и по-мужски искренне посочувствовал:

– Не тех выбирал, Паша. Сам-то ты мужик – кровь с молоком, все при тебе. Не то что я, из одних изъянов. Стало быть, все они не из того теста замешаны были, не на тех, как говорится, дрожжах.

Хавин усмехнулся:

– Да нет, Толя, просто я не оправдал их ожиданий. Видно, женщинам мало одной крови с молоком.

– А ты нос не вешай, мы тебе здесь найдем подходящую. Захочешь, не оторвешь от себя. Пошли в дом. – Адаевский взял Павла под локоть и повел от калитки. Потом, оглянувшись, увидел водителя Хавина с букетом цветов, задержался. – А где же твоя охрана? Так называемые телохранители? Ты же у нас величина непростая, не то что мы здесь, на периферии. Ворочаешь капиталом.

– Охраны нет, – сказа Хавин и улыбнулся. – Без нее удобней, не привлекаешь к себе внимание.

Адаевский сжал ему руку выше локтя:

– Рисковый ты мужик, Паша! Быть тебе женатым еще раз пять, не меньше, поверь моему слову.

– Сплюнь, Толик, мне и двух раз предостаточно. Нахлебался крошки, от воды воротит! – И покрутил головой.

Анатолий трижды сплюнул через левое плечо и хохотнул, как будто выпустил пулеметную очередь.

Хавин никого из гостей Анатолия не знал. Он смотрел в незнакомые лица с любопытством и такое же любопытство ловил в их встречных взглядах.

Анатолий подвел его к гостям и торжественно представил:

– Прошу любить и жаловать, это Павел Сергеевич Хавин, мой хороший приятель, а вернее друг с армейских казарм, и даже не казарм, а окопов. Мы с ним вместе в горячих точках побывали. Однажды он меня на своем горбу из огня вытащил, один раз я его от верной смерти спас. Так что нам с ним есть что вспомнить. После таких дел невозможно не остаться хорошими приятелями. Он теперь большая величина. Вы, наверно, видели его по телевизору, иногда появляется на экране, отвечает на вопросы, как сделать экономику экономной. – Анатолий по-доброму засмеялся. – В настоящий момент холост, прошу женщин обратить на это особое внимание.

Павел с досадой заметил:

– Чересчур торжественно. Я здесь такой же гость, как все остальные, – и попросил: – Прошу не обращать на меня внимание. Торжество посвящено хозяйке, вот и давайте ее чувствовать.

Гости одобрительно заговорили. Мужчин устраивал такой подход, ибо, хоть Хавин был личностью известной, они тоже хотели показать, что не лыком шиты, и не желали находиться в его тени.

А женщины, услышав о знатном холостяке, заиграли глазами, расправили плечи, высоко поднимая грудь. Одна из них, с красивой прической и искорками в глазах, выступила вперед. На вид ей было не более тридцати, но в ней ощущался богатый опыт общения с мужской половиной:

– Анатолий Алексеевич, познакомьте меня с гостем, – попросила она Адаевского.

– С удовольствием, Алла Васильевна, – тот подвел ее к Павлу. – Вот, Павел Сергеевич, это наша Алла Васильевна Истровская, известная в городе предпринимательница и азартная женщина. Мужчин покоряет одним взглядом.

– Ну, хватит, хватит, Анатолий Алексеевич. К чему так официально? Просто Алла, – и рукой махнула на Анатолия, мол, уберись подальше, управлюсь без тебя. – Для вас просто Алла. – Подхватила Павла под локоть, намереваясь увести в сторону.

Но хозяин дома остановил с усмешкою в голосе:

– Не торопись, Алла. Куда несешься впереди паровоза? Никуда Павел Сергеевич не денется. Дай мне представить ему других гостей. А уж потом делай с ним, что хочешь, если, конечно, он сам этого пожелает.

– Да пожелает, пожелает, я же вижу, что пожелает! – воскликнула она с призывной улыбкой, поедая Хавина глазами. – Но ничего не имею против твоей постановки. – Отступила. – Знакомь, знакомь. Да побыстрее, не тяни.

Алла Истровская была экспрессивной женщиной, жила со скоростью света. За свои тридцать лет она уже успела четыре раза официально побывать замужем. Но в последнее время решила, что официальная часть в замужестве для нее совершенно излишняя морока, а потому отбросила ее, как шелуху от семечек. Она не называла, как многие вокруг, свои связи с мужчинами гражданским браком, мало того, она всегда посмеивалась над таким определением обыкновенного, ничем не обязывающего сожительства:

– Какой гражданский брак? – спрашивала она. – Чуть, да и только. От брака, как его не назови, должен исходить консервный запах, а я живу в вольном соприкосновении. Желает душа – прижимаюсь, не желает – отгалкиваю, а не хочет – гоню прочь.

У Аллы было замечательное качество, она не любила затяжных романов, она любила, чтобы любовные романы мелькали в ее жизни, как станции на пути следования курьерского поезда, когда человек не успевает не только рассмотреть названия станции, но даже запомнить внешних ее очертаний.

– Зачем помнить то, что уже прошло? – говорила Алла. – Даже если это было хорошее. Ведь оно все равно уже прошло. А если это было плохое, то тем более хорошо, что оно уже прошло.

Анатолий подвел Павла к группе людей. Среди них были двое мужчин и две женщины. Хавин понял, что это были две семейные пары. И не ошибся.

Ближе к Павлу стоял мужчина, примерно одних с ним лет, среднего роста с резкими чертами лица. Они говорили о том, что этот человек обладает властным характером и любит подчинять себе других людей. Он почти не улыбался, а если на его лице возникала короткая улыбка, то она больше походила на насмешку. Плотный крепкий мужчина, с покатыми плечами и мощными бедрами. Вся его стать выражала прочность, и казалось, что сдвинуть с места его было почти невозможно. Он смотрел на Павла без особых эмоций, мол, подумаешь, какая невидаль на периферии появилась. Да мы тут сами можем изобразить такое, что петух закукарекает от удивления.

Адаевский представил:

– Константин Иванович Аспенский. Бизнес у него разнообразный. Но куда бы он ни прикладывал свои усилия, везде начинают распускаться бутоны.

Аспенский ухмыльнулся, но было понятно, что ему понравилась характеристика.

– Рад познакомиться, – Павел протянул руку.

– Я тоже, – сухо отозвался Аспенский и ответил крепким рукопожатием. – Давайте попросту, без отчеств. Константин.

Хавин наклонил голову и согласился:

– Принимаю предложение.

Рядом с Константином стояла женщина хрупкой внешности, со стройной фигурой и приятным лицом. Выглядела она значительно моложе Аспенского.

Павел обратил на нее внимание. Подумал на мгновение, что Алла проигрывала перед ней, хотя, по всей видимости, была моложе.

– Это супруга Константина, – проговорил Адаевский.

И не успел произнести ее имени, как она сама протянула Хавину руку:

– Вероника.

На ней было надето длинное красивое платье, оно подчеркивало ее безупречные формы. Обтягивало талию и бедра. Хавин подумал, что Вероника знала свои достоинства и умела преподносить их. Красивая женщина, способная увлекать мужчин, да и увлекаться ими, очевидно, тоже, потому что Павел заметил, с каким интересом ее взгляд прошелся по его телу.

Хавин задержал ее руку в своей ладони:

– Вы не будете возражать, если я стану называть вас именно так?

– Ну что вы, конечно нет.

– Тогда и вас прошу звать меня просто по имени.

– Я не возражаю. – У Вероники был приятный тембр голоса, располагающий к себе.

Адаевский дернул Павла и обратил его внимание на второго мужчину:

– Познакомься, это Андрей Андреевич Печаев.

Полный краснощекий человек с добродушным выражением на лице. Небольшими глазами с паутинкой морщин по сторонам. Улыбался и протягивал Павлу руку, и весь его вид говорил: «Да чего нас представлять друг другу, давайте без церемоний. Мы и сами вполне способны познакомиться».

Но Адаевский, как настоящий хозяин, исполнял свою роль до конца:

– Андрей Андреевич тоже бизнесмен. Процветает.

Печаев поймал руку Павла и заговорил, как старый знакомый:

– Вы не слушайте его, Павел, он все приукрашивает.

Хавин уловил дружеский тон Печаева и последовал ему:

– Как же я могу не слушать, Андрей, своего окопного друга? Я не думаю, что он очень приукрашивает.

– Очень, очень, поверьте мне. Я уже года четыре не веду самостоятельного бизнеса, мы объединились с Константином, – кивком головы указал на Аспенского. – Вместе выживать проще, – Печаев обнял за плечи женщину рядом с собой. – Познакомьтесь, Павел, это моя жена, Марина. Разрешаю называть ее по имени, ревновать не буду, даю слово, – он засмеялся.

Марина была одинакового роста с мужем и с таким же добродушным лицом, как и у него. Несколько полновата. Если бы не лишний вес, она могла бы не уступать своей фигурой Веронике. Но Марину устраивало то, что она имела. У нее не было комплексов на этот счет. Она считала, что в округлых формах есть своя изюминка. К жизни она относилась легко, жила просто. Посмотрела Павлу в глаза и улыбнулась:

– Конечно, Марина, а то как же! Я ведь не старая еще, – глянула на мужа. – Я не старая, Андрей?

– Ты у меня молодка, – охотно подтвердил тот.

Марина опять поймала глаза Хавина:

– А вы что думаете, Павел? – спросила тоном давнего знакомого.

– Я думаю, что вы правы, – отозвался Хавин.

Марина построила гримасу:

– Ну и скупой же вы на комплементы, Павел. Не забывайте, что любой женщине они приятны.

– Вы изумительны, – попытался исправить положение Хавин.

– Конечно, – с радостью согласилась Марина, – потому что я веселая. Скажу вам по секрету, Павел, мой благоверный измучился со мной безгранично. Да и я с ним – тоже. Староватый он стал для меня. Надоел. Гудеть начал, как дед. Заменить его, что ли? – Она засмеялась. – Что посоветуете, Павел?

– Только одно, – нашелся Хавин. – Посоветуйтесь с ним самим.

– Мудро, мудро, – подхватил Печаев. – Вот что такое мужская солидарность!

Марина посмотрела хитро:

– Эх, вы, мужики. Старее вы рано. А в женщине огонь не гаснет никогда! Как вам мое платье, Павел, понравилось? – неожиданно перевела разговор на другую тему. – Я заметила, как вы рассматривали платье Вероники. А мое вам по вкусу?

Хавин понял иносказательность вопроса. Не о платье Марина спрашивала, а о своей фигуре. Отметил про себя, цепкая бабенка, все подмечает. Увидела, как смотрел на Веронику. Отозвался:

– Платье прекрасное, притягивает взгляд.

Марина тоже поняла иносказательный ответ Павла и оценила его:

– Вот и я так думаю. И моему благоверному нравится.

Адаевский прервал диалог Марины с Павлом, воскликнув обращение ко всем гостям:

– Пора, пора за стол! Заговорились! Прошу всех в дом! – Подхватил Павла и направился к двери.

Гости двинулись следом. Аспенский с Вероникой задержался, пропуская вперед других. Проговорил, наклонившись к жене:

– Ты понравилась Хавину.

– Ты думаешь?

– Я вижу.

Вероника вздохнула:

– Мне кажется, ему понравилась Марина.

– Чепуха! – решительно отсек Константин, короткая ухмылка пробежала по лицу.

– Алла не упустит его, – сказала Вероника.

Аспенский брезгливо сморщился:

– Он на Аллу не клюнет.

– На Аллу все клюют, – напомнила Вероника.

– Чепуха! – опять рубанул Константин.

– Как ты думаешь, надолго он приехал?

– Мне все равно!

Следом за гостями они вошли в дом.

3

Анатолий провел Хавина в просторную столовую, где их встретила виновница торжества Людмила:

– Проходи, проходи, Павел! Я рада тебя видеть. Ты совсем не изменился после последней встречи. Все такой же красавчик. Надеюсь, сегодня ты приехал с женой. Хоть посмотрю, какие тебе по вкусу. А то все один, как партизан. Спасибо за букет. А где жена? Не вижу.

– погоди, погоди, Люда. Ты сразу с места в карьер. Дай человеку оглядеться, – торопливо остановил ее Анатолий.

– Оглядеться? – расширила глаза Людмила. – Так, так. Все понятно. Значит, снова один. Только смотри, осторожно оглядывайся. У нас тут тоже медом не намазано.

– Не пугай его, Люда, – вступился Анатолий. – Ему еще за твое здоровье пить.

Людмила была высокой худощавой женщиной с прямой точеной фигурой. В легком платье с коротким рукавом и с глубокими вырезами на груди и спине. На правой руке браслет с камнями, на шее – крупная жемчужина. Короткая стрижка на голове.

Хавин поднес Людмиле подарок. Та раскрыла коробочку и ахнула от восторга, увидав кольцо с бриллиантом.

– С днем рождения! – проговорил Павел.

– Боже мой, какая прелесть, какая прелесть, какая прелесть, – только и могла выговаривать она. – Спасибо, Павел. Дай-ка я тебя поцелую, – и чмокнула его в щеку.

Адаевский довольно замурлыкал себе под нос. Он смотрел на жену и думал, что ему повезло в жизни, что он встретил на своем пути ее. Сейчас он точно знал, что счастлив с нею.

После службы он вернулся домой издерганным и не совсем здоровым. Раны давали знать о себе. Людмила тогда работала медсестрой в больнице. Она сразу приглянулась ему. Но при ней ему было стыдно жаловаться на болячки. Он стоически переносил боли. И ей понравилась его крепость. Так все и началось.

С тех пор много воды утекло. И Людмила давно уже не медсестра, и он сильно изменился. Но чувства между ними до сих пор были сильными.

В бизнесе Людмила стала его помощницей. Окончила курсы бухгалтеров и взяла в руки финансовую часть дела. Помаленьку поднялись на ноги. Но жизнь такая заковыристая штука, что не знаешь заранее, где подстелить соломки, чтобы не больно было падать. В бизнесе не всегда было ладно и хорошо. Были падения и взлеты. Иногда хотелось все забросить, когда казалось, что больше не вмоготу. И был момент, если б не помощь Павла, могли бы не выкарабкаться.

Теперь уже у них выросли дети. Два высоченных парня. Сейчас старший служил в армии, а младший стал баскетболистом и находился на соревнованиях.

Хавину везло больше, он как-то сразу попал в струю и стремительно стал набирать обороты. Он всегда отличался умом, обладал особым чутьем, знал, с кем и как себя вести, куда вкладывать деньги, какие контракты заключать. Адаевский не просил помощи, он не признавал дружбу, основанную на деньгах. Павел сам догадался о его проблемах и вмешался. Но, зная Анатолия, предложил не деньги, а совместный проект. Благодаря ему дела у Адаевского поправились.

Сейчас трудности остались в прошлом. Все, что было пережито с Людмилой, было их совместным багажом. Она оказалась той женщиной, какую никогда не меняют.

В столовую стали входить гости. Дарили Людмиле цветы и подарки и поздравляли. На ее лице была радостная улыбка. Анатолий рассаживал гостей за стол. Алла вслух выразила недовольство тем, что ее посадили далеко от Павла, и сверкнула огоньками глаз:

– Я припомню тебе это, Анатолий? – Погрозила пальцем Адаевскому. – Я все равно не выпущу его из своих коготков, так и знай! – Удержала его за руку, шепнула. – Как думаешь, он хорош в постели?

Анатолий смутился, но быстро нашелся:

– Не думаю, – пошутил, – иначе не был бы холостым.

– Вот невидаль какая, холостой. Да сейчас мужиков не женишь. Да и на кой ляд за вас замуж выходить? От вас проку, как от козлов молока! – Она презрительно фыркнула, а потом весело подмигнула, продолжая держать его руку своими коготками. – А ему ты просто завидуешь.

Анатолий посмотрел с удивлением. А Алла уверенно изрекла:

– Он попадет в мою постель, а ты нет!

– А я не стремлюсь, – усмехнулся Адаевский, освобождаясь от ее коготков.

– Ну и дурак, потому что дурень, – поморщилась Алла. – В мою постель многие целятся, – уверенно заключила она и отвернулась.

Следом Адаевскому почти такое же недовольство выразила Марина Печаева. Она схватила его за рубашку, пригнула к себе:

– А почему Павел не рядом с нами?

Анатолий развел руками:

– Я не могу посадить его рядом с каждым.

– При чем здесь каждый? – добродушно возмутилась она. – Ты же видел, как он смотрел на меня.

– Мне показалось, он на твое платье смотрел, – сказал Адаевский.

– Вот именно показалось, а на самом деле он разглядывал то, что имеется под ним.

– У тебя муж строгих правил. К тебе под платье опасно заглядывать, – отшутился Анатолий.

– Эх, несчастная твоя жена! – засмеялась Марина. – При чем тут муж, я же не в постель к себе Павла приглашаю. Это Алла пускай ему свои упражнения показывает, она мастер в этом. А мне приятно поговорить с новым человеком. Ваши физиономии безумно надоели. Красная мордашка моего благоверного мне уже во сне снится. Отвлекись хоть немного иногда не мешает. – Отпустила рубашку Адаевского и оттолкнула от себя.

Печаев добродушно крикнул, услышав слова жены. Его небольшие глаза моргнули, вокруг них побежали паутинки мелких морщин. Хохотнул.

Анатолий повернулся к другим гостям.

Константин Аспенский с женой вошел в столовую последним. Вероника приблизилась к Людмиле, чуть приподнялась на цепочках и щекой слегка коснулась ее щеки:

– Поздравляю, дорогая, надеюсь, каждый прожитый год только больше омолаживает нас и делает привлекательнее для мужского пола. Здоровья тебе, и не забывай, что все в этом мире создается женскими руками, а мужчины это подручный материал, хотя они совершенно противоположного мнения о мироустройстве. Ну и пускай заблуждаются. Они думают, что они командуют нами, но что бы у них получалось без нашего желания? Будь счастлива, дорогая. – Вероника отошла.

Ее муж после этого приветствия, не отрывая от Людмилы сурового взгляда, не улыбаясь и ничего не говоря, протянул подарок в упаковке с бантами. Вид у Аспенского был таким, словно он приглашен не на веселое торжество, а на деловую встречу, как будто просчитывал в уме, какие сможет получить дивиденды по итогам этой встречи. Людмила приняла подарок и поблагодарила, на что Константин по-деловому коротко отозвался:

– Живи долго, Людмила.

Та кивнула с улыбкой:

– Буду, Константин.

Анатолий показал Аспенскому на места рядом с Хавиным, негромко заметил:

– Я слышал, у тебя с компаньоном есть какой-то проект, но не хватает на него денег. Вот, пожалуйста, счастливый случай для тебя. Если сможешь заинтересовать Павла, вам повезет, в его лице приобретешь инвестора. Но это нелегко, Павел просто так деньги на ветер не бросает.

Константин ухмыльнулся и взял жену под руку. Когда Анатолий отвернулся, не улыбаясь, шепнул Веронике на ухо:

– Ты слышала? А я не подумал об этом. Хорошее предложение, – подвел жену к столу, выдвинул стул возле Хавина, усадил и сел по другую от нее сторону.

Адаевский в этот миг поймал на себе недовольный и даже разъяренный взгляд Аллы Истровской, говоривший: «Я тебе припомню это, друг любезный», а глаза Марины Печевой добродушно прищурились: «Так, так, поглядим, что будет дальше». Анатолий усмехнулся, подумав: «Ай да бабы, и чем только головы забиты?».

Хавин смотрел на гостей, пытаясь по их поведению угадать характер каждого. Это было сложно, но отдельные черты все-таки улавливались.

Некоторые вели себя сдержанно, скромность перехлестывала через край, иные – с шумом и шутками. Одни сидели тихо, стараясь не причинять неудобств своим соседям, другие не обращали на соседей внимания, расталкивали локтями.

Павел видел, что все они давно между собой знакомы и знали, кто есть кто. И в этом он не ошибся.

Хавин привлекал внимание гостей: мужчин – как известный бизнесмен, а их спутниц – как интересный мужчина с тонкими чертами лица. Женщины сразу подбирались, когда ловили на себе взгляд его карих глаз.

Из женщин Павел выделил Веронику Аспенскую. Она была старше Аллы Истровской, но выглядела моложе своих лет. Ее фигуре вполне могла позавидовать Алла, хотя у Истровской тоже было все нормально. Вероника располагала приятной внешностью и спокойными манерами. А экспрессия Истровской настораживала Павла.

Он догадывался, что муж Вероники, в силу своего характера, довлел над женой. И хоть она старательно показывала себя независимой, все это было лишь внешней оболочкой для других. Павлу почему-то стало интересно, как было на самом деле.

Хавин сейчас не вспоминал о Юлии. Праздничная суета захватила его.

Вероника аккуратно села рядом, улыбнулась ему, а Константин тотчас обратился к Павлу:

– Вы надолго в наш город?

– На торжество, – отозвался Хавин.

– Мало! – коротко заключил Аспенский.

Павел пожал плечами:

– Достаточно.

Аспенский не любил жевать мочало, он всегда сразу брал быка за рога, поэтому, не раздумывая и не откладывая в долгий ящик, выпалил:

– У меня деловое предложение. Хотел обсудить с вами, – отставил от себя пустой фужер, наклонился над столешницей, едва грудью не касаясь ее.

Хавин кивнул:

– В любое время. – Он никогда не отказывался рассматривать деловые предложения, хорошие предложения нередко превращались в хорошие контракты и приносили доходы.

– Вы смогли бы выступить в роли инвестора? – спросил Аспенский и выжидающе умолк.

– Если предложение заслуживает того, – осторожно ответил Павел.

– Оно заслуживает, можете поверить! – твердо заявил Константин тоном, отвергающим сомнения.

Но на Хавина его тон никак не подействовал:

– Я верю расчетам и еще своей интуиции, – сказал он, заметив, что у Аспенского такой ответ не вызвал восторга.

Лицо Константина резко обострилось, а глаза застыли на губах Павла:

– Предлагаю рассмотреть документацию? – Аспенский сжал перед собой два кулака.

Хавин машинально окинул взглядом гостей:

– Сегодня явно будет не до этого, хотя суть предложения я готов выслушать прямо сейчас. – Он посмотрел на Веронику. – Простите нас за мужские разговоры.

– Я давно привыкла к этому, – прозвучал в ответ приятный голос Вероники.

Константин, обрывая жену, продолжил:

– Проект предполагает хорошую прибыль, – коротко, по-деловому изложил суть, и, сбоку глядя на Хавина, спросил. – Как вам предложение?

Хавин сделал затяжную паузу, вызывая нетерпение у Константина и Вероники, а потом выговорил одно слово:

– Сомневаюсь.

Аспенский нахмурился:

– Как можно сомневаться, не видя расчетов!

– Я просто знаю, что это направление в бизнесе сегодня очень рискованно. Можно выиграть, но можно и проиграть, – спокойно пояснил Хавин.

Константин, недовольный, что его проект поставлен под сомнение, резко повысил голос:

– Бизнес – всегда риск.

Хавин согласно кивнул, но тотчас твердо произнес:

– Проект не вызывает оптимизма.

По лицу Аспенского пробежала короткая ухмылка:

– А я – оптимист. Я всегда добиваюсь результата, даже когда это невозможно. – Расправил плотные покатые плечи.

– Быть оптимистом – мало, – сказал Павел. – Ваш проект в большом мегаполисе сложно осуществить, а в небольшом районном центре тем более проблематично.

Но Константин не хотел воспринимать сомнений в целесообразности и доходности своего предложения:

– Не вижу проблем. Так вы посмотрите расчеты?

– Я не отказываюсь, однако, мне кажется, я не открою Америк. Давайте завтра. Я остановился в гостинице, приезжайте туда.

Аспенский откинулся на спинку стула и замолчал. Ему не понравился разговор с Хавиным. Он понял, что Павел из вежливости пригласил его к себе в гостиницу. Но он осознавал и другое, что такая возможность ему может больше не представиться. У него с компаньоном денег на этот проект нет, а Павел – готовый инвестор. Нужно любой ценой вытащить из него деньги. И надо придумать, как. Аспенский мрачно насупил.

Прозвучали тосты в честь хозяйки дома, под них выпили и закусили. Заиграла музыка. И Хавин неожиданно над ухом услышал голос Истровской:

– Потанцуем, Павел?

Хавин обернулся и наткнулся на лицо Аллы. Она обожгла огоньками глаз. Отказать ей было неприлично. И не было причин для отказа. Тем более что Истровская уже вцепилась в его локоть:

– Пойдемте, пойдемте, пока не налетели другие вороники! – Алла вызывающе глянула на Веронику.

Было понятно, к кому прежде всего относились эти слова, но Аспенская сделала вид, что ее это не касалось.

Хавин поднялся из-за стола. Следом на танец стали выходить другие. Щеки у Аллы раз-
румянились, она прижималась к Павлу, как будто предлагала себя прямо сейчас. От ее разго-
ряченного тела шел жар, Хавин ощущал его. Истровская глядела Павлу в лицо, и ее губы были
так близко к его губам, что вызывали желание прикоснуться к ним. Она прошептала:

– Вы не хотите поцеловать меня, Павел?

Он не стал отвечать, ибо сказать нет значило обидеть женщину, а сказать да значило ска-
зать слишком много. Но она ждала. И он решил отшутиться. Однако Истровская неожиданно
спросила:

– Правда, Вероника Аспенская красивая женщина?

Это отрицать было глупо, и он подтвердил, не понимая, чем вызван вопрос Аллы.

– А разве я не красивая? – Алла коготками вцепилась в его тело так, что он почувствовал
их на своей коже.

Хавин и это подтвердил, нисколько не греша перед истиной.

– Но ведь я моложе, – заметила Истровская. – На десять лет. Согласитесь, что это мой
плюс. Из двоих вы должны выбрать меня.

Павла обескуражили слова Аллы: он не собирался никого выбирать.

– Потому что вам нужна женщина, – уверенно продолжила Истровская. – Прямо сейчас
нужна. С Вероникой у вас роман не получится, поверьте мне, она под железной пятой у мужа.
Это на людях она хорохорится. Уж я-то знаю.

Павел удивленно отстранился, приостанавливаясь. Откровенные высказывания Аллы
несколько конфузили.

– Она вам нравится, Павел, я вижу вас насквозь. Но со мной все намного проще. Я –
свободная женщина. Моя постель ждет вас! Разве вам не хочется погладить меня? Вы чувству-
ете, какое упругое у меня тело? – Алла настойчиво притянула Хавина к себе, шепча: – Ну же,
решайтесь, Павел! Многие ли красивые женщины вот так предлагали вам себя? Поверьте, у
меня есть на что посмотреть и я умею доставить удовольствие мужчине.

– Вы злоупотребляете, Алла, – наконец нашелся что ответить Хавин. – Вы слишком
откровенны. Не всякому это может понравиться.

– А я не всякого выбираю! Только тех, кому это нравится. Ведь вам это нравится. Потому
я выбрала вас, Павел.

Хавин мог бы еще раз подтвердить, что она красивая женщина, но ее напор и прямота
вызывали отторжение. Он вдруг в эту секунду вспомнил Юлию. Та тоже проявила настойчи-
вость, но ее настойчивость была иной: она располагала к себе, она нравилась Павлу. А откры-
тость Аллы настораживала. Истровская почувствовала это и посмотрела изумленно:

– Павел, вы вообще-то нормальный мужик?

Вообще-то Хавин всегда считал себя нормальным, хотя именно сейчас, услышав вопрос
Аллы, подумал, что, возможно, в отношениях с женщинами он никогда не был нормальным,
ибо в ином случае жены не бросали бы его. И Павел растерялся, не зная, что ответить. Ист-
ровская вспыхнула:

– Вы посмотрите вокруг, раскройте глаза, – кивнула на окружающих, – все мужики обли-
зываются, глядя на меня. Так и лезут взглядами мне под юбку. Или вы слепой, Павел?

– Нет, не слепой! – усмехнулся Хавин, чувствуя, как ее тело пружинит в его руках. – Я
их понимаю.

– А вот они вас вряд ли поймут. Они хотели бы сейчас оказаться на вашем месте. Ведь
я сама предлагаю вам себя. – Алла снова крепко вцепилась в него своими коготками, в глазах
сверкнули новые огоньки.

– Это странно, Алла, – сказал Павел, чувствуя, как нарастает ее нетерпение и стреми-
тельное желание оказаться с ним в постели.

– Ничего странного, – вскипела Истровская. – Я всегда выбираю сама, и мне никогда не отказывают. Вы представляете, Павел, что сейчас здесь началось бы, если бы я им предложила то же самое?

Чтобы ослабить ее безудержный напор, Хавин без всякой задней мысли предложил:

– А вы попробуйте, и – поглядим.

Алла содрогнулась и больно ущипнула его:

– Почему вы оскорбляете меня, Павел?

Хавин попытался сгладить:

– Бог с вами, Алла, у меня и мысли такой не было.

– Я же не уличная девка, чтобы ложиться под всякого! – В ее голосе прозвучало негодование. – И потом мне не нужны деньги, Павел. У меня своих денег достаточно. Я сама могу заплатить. Может быть, вам заплатить, Павел? – Ее настойчивость прижимала его к стене. – Вижу, Павел, вижу. Вы просто не можете решиться. Решайтесь, решайтесь, не пожалеете. – И Алла снова плотно прижалась к Хавину.

Константин Аспенский хмуро показал на них жене и произнес:

– Хавина нельзя упускать. Он, возможно, мой единственный шанс, чтобы осуществить проект.

– Может быть, сможешь убедить его, – нерешительно отозвалась Вероника.

Константин резко выдохнул, не дрогнув ни одним мускулом:

– Нет. Я уже понял, что все мои усилия будут пустым номером. Надо действовать по обкатанной схеме.

– Как знаешь, – пожала плечами Вероника, и приятное выражение на лице сменилось на досадливое.

– Тебе придется вступить в игру.

Вероника страдальчески поморщилась, как от больного укола. Но длилось это недолго. Перевела дух, смиряясь с тем, что укол больной и что приходится терпеть. Ибо его прописал врач, а врачу нельзя противиться. И все-таки снова слабо подала голос:

– Опять? А без меня на этот раз нельзя обойтись? – В глазах возникло ожидание.

Но Аспенский недовольно твердо отсек:

– Нельзя, потому что ты понравилась Хавину. Я должен использовать этот шанс. – Он перевел глаза на танцующие пары. – Истровская слишком бурно добивается своего, того гляди, заезжий гость сломается под ее напором. Она может стать мне помехой, пора ее отодвинуть. Вступай в игру, Вероника. Твоя задача любой ценой склонить Хавина к моему проекту. Вынуди его тряхнуть мошной.

– У тебя всегда деньги на первом плане.

– А у кого они на последнем? Укажи мне пальцем хоть на одного, кто не умеет их считать. Не упрямясь, Вероника, ты же знаешь, я этого не люблю! Да и потом Хавин мужик-то ничего, развлекись немного. А то ты у меня последнее время совсем закисла. Разрешаю расслабиться. Но только знай меру, чтобы для других не наглядно было. Помни о главной задаче, которая стоит перед тобой. – Константин поднялся со стула и протянул Веронике руку. – Пошли, разобьем эту отвратительную пару.

Вероника оперлась на его руку. Ее стройная фигура была изящна и привлекательна. Константин знал цену своей жене, взял ее за талию и повел на танец. Стоило им приблизиться к Хавину и Алле, он отпустил Веронику и остановил Павла с Истровской. Вероника обезоруживающе улыбнулась:

– Алла, не все же тебе одной, дай и другим с московским гостем потанцевать!

Истровская хотела возразить, но ее подхватил Аспенский и решительно оторвал от Хавина:

– Потанцуй со мной, Алла, чем я хуже? – Его руки, как железные обручи, сковали ее движения.

Истровская взвизгнула, попыталась освободиться, но не удалось. Жадным взглядом проводила Павла, подхваченного Вероникой, и сверкнула глазами на Константина:

– Отпусти, видеть тебя не могу!

– Да ты не горячись. Закрой глаза и танцуй спокойно. Старые приятели надежней новых. Вспомни пословицу.

– А мне твоя надежность не нужна, пускай этим довольствуется Вероника. Я люблю новые ощущения. Меня больше привлекает кипятик, нежели кусок льда. И не прельщает неповоротливое бревно, как ты, – зло съязвила Истровская.

– Откуда ты знаешь, какие ощущения будут от Хавина? Может быть, рядом с ним кусок льда покажется настоящим кипятиком. Ты ведь еще не имела возможности сравнить.

– Ты хочешь, чтобы раньше меня это сделала Вероника?

Аспенский сжал ее так, что у Аллы захрустели кости:

– Прикуси язык, подруга, не болтай глупостей!

Истровская разжала его объятия и серьезно произнесла:

– Я в твои дела не суюсь, Константин, и ты в мои не лезь.

– Да какие у тебя дела, Алла? Все на постели замыкаются. – У него на губах мелькнула короткая ухмылка.

– Живем один раз, Константин. Не одни же деньги считать, телу и душе тоже нужно доставить удовольствие. Я женщина, а для женщины это очень важно, – Истровская поискала глазами Хавина.

Аспенский резко отвернул ее от Павла:

– А разве деньги не греют твою душу?

– Ты смешон, Константин, деньги разлагают ее. От них тепло бывает лишь тогда, когда они горят в костре. Я предпочитаю другое тепло. Горячий мужик – вот что такое настоящее тепло. Но к тебе это не относится. Что тебе нужно от Хавина? – она пронзила Аспенского взглядом.

Лицо Константина оставалось каменным:

– Ничего, – ответил он.

– Не ври мне, я вижу тебя насквозь, Константин! – Алла впиалась коготками в его плечо. – Предлагаю тебе сделку.

– Какую сделку? – не меняя выражения на лице, спросил Аспенский, переминаясь в танце рядом с Аллой.

– Не мешай мне с Хавиным, и я устрою с ним твои дела! – заявила, и коготки на плече Аспенского опять дали о себе знать.

Константин сделал паузу, словно раздумывал над предложением Истровской, а затем произнес:

– У меня к нему нет никаких дел, тебе все почудилось, Алла.

– Значит, будут. Неужели ты сомневаешься во мне, Константин? – Истровская задрожала, сверкая глазами. – Убери Веронику от Хавина, или я выцарапаю ей глаза. Не зли меня, Аспенский, ты же знаешь, если я вцепилась в мужика, никто его у меня не вырвет.

Плотные покатые плечи Константина медленно и вяло покачивались в танце перед глазами Истровской:

– Ну, ты еще не вцепилась в Хавина, а только ищешь подходы. На этот раз тебе не повезло, Алла. Но ты сильно не переживай, не принимай близко к сердцу. И на старуху бывает проруха.

Истровскую обдало жаром от возмущения:

– Это я-то старуха? Ты думай, что говоришь, Аспенский! Оглянись вокруг себя. Это твоя Вероника старуха, а я еще могу любого мужика всю ночь продержат в возбуждении!

– Всего одну ночь? Ты явно сдаешь позиции, Алла. Раньше ты целую неделю могла мужика изматывать. Мужики не выдерживали, сбегали от тебя. – Константин не улыбался, а в голосе слышалась издевка.

– Я и теперь любому дам фору, не сомневайся! – заверила Алла. – И не ври, никогда от меня мужики не сбегали, это я их выплевывала, как надоевшую жвачку, – импульсивно дернулась. – Так ты не принимаешь мое предложение? Не хочешь заключить со мной сделку?

– Не хочу, Алла! – отказал Константин. – Сделка с тобой это все равно что сделка с искателем приключений. Ты авантюристка, а я люблю делать дела обстоятельно и наверняка. В этом залог моего успеха. В твоих похождениях участвовать не буду. Ты поглощена только собой. Тобой сейчас руководит твое тело, а твой мозг атрофировался и не принадлежит тебе. Твои мысли, Алла, уже копаются в нижнем белье Хавина, – проговорил Аспенский и хмыкнул.

Истровская с остервенением и злым удовольствием вонзила в Константина коготки:

– Ты пожалеешь о том, что обидел меня, Аспенский! А ты меня сильно обидел сегодня! Ты оторвал меня от мужика, которого я хочу! Ведь ты чувствуешь, как упруго мое тело, ему сейчас нужен этот мужик!

– Остынь, подруга, – грубо перебил Аспенский. – Эту станцию тебе придется проехать. – Константин не отрывал взгляда от ее полыхающих глаз. – Да и вообще у тебя наступает пора, когда уже не на каждой станции тебя будут встречать с распростертыми объятьями. Но ничего не поделаешь, Алла, с этим надо смириться. Такова жизнь.

– Ишь ты, провидец какой. Это мы еще поглядим. Скоро ты убедишься, что меня по-прежнему на каждой станции рвут на части. И долго подобное не закончится, Аспенский, – огрызнулась Истровская и поискала глазами Хавина.

Когда Аспенские оказались рядом с Павлом и буквально вырвали его из рук Аллы, он не просто обрадовался, он вздохнул с облегчением, ибо в этот миг напор со стороны Истровской достиг апогея. Хавин охотно обхватил талию Вероники, как бы в знак благодарности, и закружил в вальсе.

Приходя в себя от дикого натиска Аллы, Павел смотрел на Веронику с любопытством. Она определенно притягивала его взгляд. Она не кипела, как Истровская, в ней виделась обязательная сдержанность.

Павел рассматривал женщину, не замечая, как крепко прижимал к себе. И она не противилась. А у Павла в голове поплыл туман. В какое-то мгновение пронеслось желание спросить, ляжет ли Вероника с ним в постель, и захотелось услышать положительный ответ. Но Павел не спрашивал, а Вероника молчала. Это устраивало Хавина. Это походило на безмолвный разговор между ними, мысленное общение друг с другом.

Наконец он прекратил молчание:

– Я благодарен вам, – сказал, ничего не объясняя, но чувствуя, что Вероника поняла, что он имел в виду.

Аспенская действительно поняла, что благодарил Хавин за то, что его вырвали из рук Истровской. Вероника с удовлетворением отметила, что в первой попытке Алла потерпела неудачу. Но Вероника знала, что неудача не остановит Истровскую, только больше разозлит, и Алла снова пойдет в наступление.

Однако перед Вероникой была цель не допустить этого. Она должна стать препятствием для Истровской. Хавин произвел на Веронику приятное впечатление сразу, как только она увидела его. Хорошо было бы, если бы сейчас Константин не поставил перед нею никакой цели и она не чувствовала бы эту обузу на своих плечах. Возможно, тогда она с удовольствием смогла бы увлечься Павлом. А теперь как будто раздваивалась. Но, к сожалению, происходило то, что происходило.

Вероника подняла глаза на Хавина:

– Вас здесь разрывают на части.

– Ну, так уж на части, – отозвался Павел.

– Здесь не столица и нравы у нас простые, – сказала она, словно оправдывала поведение Аллы, и Хавин именно так понял. Но на самом деле она уже закладывала фундамент для оправдания собственного предстоящего поведения.

– Иногда слишком простые, – на лице у Павла появилась досада, он подразумевал Истровскую.

– А зачем все усложнять? – пожала плечами Вероника. – В жизни без того много сложностей, – в глазах мелькнула грусть. – Женщинам всю жизнь приходится приспосабливаться к мужчинам. Женщины дома не живут своей жизнью, они просто обслуживают мужчин. Ну, хорошо, если мужчина способен содержать дом и семью, а если женщине приходится трудиться не меньше ради пополнения семейного бюджета? Зачем нужен такой мужик? Чтобы кормить и обстирывать его и считать вместе с ним копейки? Нет, лучше жить одной, самостоятельно. Однако стоит женщине проявить самостоятельность, как на нее начинают всех собак навешивать. Трудно быть женщиной. Не всякий способен это понять.

Павел не мог взять в толк, что хотела этим сказать Вероника. То ли пыталась оправдать Истровскую, непонятно – зачем, то ли выступала адвокатом всех женщин.

И только Вероника знала, что уже чувствовала этих собак на себе, ибо хотела самостоятельности, и захотела, чтобы между нею и Павлом пробежала искра. Задание мужа словно стиралось из памяти, уходило на второй план. Так же, как у Хавина пропадало из памяти лицо Юлии.

Он понимал, что скоро забудет лицо девушки, ибо никогда больше не увидит ее, так как все произошедшее будто медленно превращалось в сон.

– В каком номере вы остановились в гостинице? – вдруг спросила Вероника, всматриваясь в лицо Павла.

– В люксе, в одиннадцатом, – сказал он.

Музыка прервалась, наступила пауза. Танцующие пары начали расходиться. А Хавин все продолжал держать Веронику за талию и не хотел отрываться от нее.

В то же время Истровская вырвалась из рук Константина. И стремительно шагнула к Павлу. Вероника досадливо подумала, что муж все испортил, выпустив Аллу.

Но тут снова зазвучала музыка, и Вероника торопливо сорвалась на новый танец, потащив за собой Хавина и удаляясь от Истровской. А Аспенский опять подхватил Аллу. Она взвизгнула разъяренно, попыталась выскользнуть, но жесткая хватка Константина сковала ее.

Все для Вероники разрешилось удачно. Но она предостерегла Хавина:

– Вот увидите, Павел, что Алла обязательно приедет к вам в гостиницу после окончания этого торжества.

– Мне бы не хотелось этого, – поморщился Хавин.

– Почему же? Вы одинокий мужчина. Вам теперь все можно.

– Это ничего не меняет, – ощущая ладонью гибкую талию Вероники и ее четко очерченное бедро, ответил Хавин.

– Может быть, вы вообще не нуждаетесь в женщинах, Павел? – В глазах Вероники появилась хитринка, женщина ненавязчиво вызывала его на откровенность.

Он усмехнулся ее хитрости:

– Я нормальный мужик, можете не сомневаться.

– Я верю, – прижалась к нему Вероника.

В этой женщине была изюминка, и эта изюминка волновала его. А Вероника прошептала:

– Хотите, я сегодня спасу вас от Аллы?

Его насторожил этот вопрос. Уж не хотела ли Вероника предложить себя вместо Аллы? Но нет, он тут же отбросил эту мысль как невероятную. Между тем эта мысль где-то в глубине согрела его душу, и Павел осознал, что в таком случае ему было бы трудно отказаться. Ско-

рее всего, он бы не возражал остаться с Вероникой. Но понимая, что это невозможно, Хавин спросил:

– Какое спасение предлагаете?

– Переночуете в нашем загородном доме, – предложила Вероника, заглядывая ему в глаза. – Никто об этом даже не узнает, можете быть абсолютно спокойным. Вы будете в доме совершенно один. У нас там есть все удобства, вам будет комфортно, поверьте мне.

– Стоит ли так перестраховываться, Вероника? – нетвердо засомневался Павел.

– Поверьте, стоит, если у вас нет никаких намерений в отношении Аллы.

– О чем вы говорите, Вероника, какие могут быть намерения? – Хавин подумал, что женщина, возможно, права: от Аллы можно ожидать всякой выходки. Уж наверняка Вероника знает Аллу лучше него. И что он станет делать, если к нему среди ночи постучится Алла? Выталкивать ее за дверь? Не по-мужски это. И он спросил: – Но как к вашему предложению мне отнесется ваш муж?

– Я думаю, он возражать не станет, вы же не сами напрашиваетесь, так складываются обстоятельства.

Хавин видел, что Вероника была абсолютно уверена в том, что произойдет ночью, если он останется в гостинице. В таком случае глупо было не принять предложение, но не менее глупо и соглашаться на него. Близость ее тела будоражила Павла. Ее запах заставлял дрожать ноздри. И он, не найдя окончательного решения, все-таки спросил:

– И далеко ваш дом?

– Не очень. Километров двадцать отсюда.

– Но как я его найду?

– Я покажу вам, – и увидев, что на его лице появилось недоумение, ибо он не понимал, как можно это сделать незаметно для всех и особенно для Аллы, Вероника успокоила. – Не волнуйтесь, Павел, не тревожьтесь. Истровская об этом не догадается.

Павлу почудилось в интонациях ее голоса нечто заговорщическое. С одной стороны, это притягивало его к Веронике, будто они уже сблизились не только до волнующих прикосновений, но до жаркого шепота. А с другой стороны, он подумал, что зря согласился, но отступить было неприлично, стыдно выглядеть в глазах Вероники нерешительным и мечущимся. Хотя и неприятно казаться напуганным Истровской. Полная нелепость. Все как-то переплелось. Но побеждало очарование Вероники.

4

Торжество затягивалось до поздней ночи. Гости веселились и уходить не спешили. Виновница праздника радушной хозяйкой порхала между ними. Ее муж от нее не отставал.

Аспенский долго опекал Аллу, пока она не взорвалась и чуть не ударила его по лицу. Лишь после этого выпустил, и она двинулась в сторону Хавина. Но тот вежливо извинился и повел на танец другую женщину. Так повторялось несколько раз. Истровскую это злило и раздражало. Она выяснила у Адаевского, где Павел остановился, и успокоилась, решив, что в гостинице тот от нее не отвернется.

Хавин много танцевал, и к середине торжества заметно подустал. Сказывалась бессонная ночь. Отвел в сторону Адаевского:

– Я, кажется, захмелел, Толя, пожалуй, поеду. Загляну к вам завтра после обеда.

– Куда поедешь? – удивился Анатолий. – Пойдем наверх, там для тебя свободная комната. Закрывайся и ложись отдыхать.

– Разве под такую музыку отдохнешь? Нет, поеду. А завтра поговорим.

– Тогда погоди, Паша, позову жену, проводим тебя.

Но только он отошел, как к Павлу подступила Вероника:

– Я покажу вам, где наш загородный дом, Павел, – и скользнула сквозь танцующую толпу от него.

Шепнула что-то на ухо мужу, и тот с удивительной для него расторопностью двинулся к двери. Вероника следом за ним вышла из дому. А потом двинулся и Хавин.

Алла наблюдала, не понимая, что происходит. Если бы Аспенские уходили совсем, решила она, они непременно попрощались бы с Адаевскими, но этого не произошло, следовательно, Аспенские покидать торжество не собирались. А уход Хавина восприняла спокойно, подумав, что дальше гостиницы тот никуда от нее не денется.

Анатолий и Людмила вышли проводить Павла. Во дворе горели фонари, освещая дом и дорожки внутри забора.

Распростились, и Хавин нырнул за калитку к машине. Распахнул дверцу в салон автомобиля и застыл: на заднем сиденье сидела Вероника. Одна. Водитель запоздало сообщил:

– У нас гости, Павел Сергеевич.

– Вижу, – пришел в себя Хавин. – Приятный сюрприз.

– Ну почему сюрприз? – отозвался тихий голос Вероники. – Разве мы не договорились?

В темноте салона было плохо видно ее лицо, но Хавин понял, что она улыбалась ему. Он хотел возразить, что они не договаривались, каким образом она покажет местоположение их загородного дома. Он думал, что все будет иначе: Аспенские поедут на своей машине, а он последует за ними. Но, видно, Вероника избрала другой вариант. Впрочем, этот вариант пришелся Павлу по душе. Ехать в одном салоне рядом с этой женщиной было куда приятнее, нежели тащиться следом на машине. И он не стал возражать, только задал вопрос:

– А где ваш муж?

– А он нужен вам сейчас? – продолжала улыбаться она. – Ведь вы условились встретиться с ним завтра.

Конечно, ее муж сейчас не нужен был Хавину. Он и завтра ему был не нужен, потому что Павел чувствовал, что его проект не имел перспектив в этом городке, и связывать себя с таким проектом Хавин не собирался. Только непонятно было, куда вдруг исчез Аспенский. А Вероника будто уловила мысли Павла и, когда тот сел в салон рядом с нею, пояснила:

– У него разболелся желудок. Ему совсем нельзя пить. Я уговорила его поехать домой. А сама покажу вам дорогу к загородному дому. Не опасайтесь, не заблудимся. А после ваш водитель отвезет меня назад. Вы ведь не станете возражать.

Хавин успокоено кивнул:

– Конечно, не стану, Вероника.

– Вот и хорошо, Павел, вот и хорошо.

Хавин испытал приятное удовлетворение от того, что ее мужа не будет рядом. Подумал, как все странно, но ведь он сам согласился с этой странной затеей скрыться от Истровской. Вероника тронула его руку:

– Так мы едем, Павел, или вы раздумываете?

Хавин встрепенулся. Водитель получил команду, и машина медленно тронулась с места.

Торжество продолжалось, но Алла стала поглядывать на часы. Исчезновение Аспенских неприятно поразило. Она стала нервничать. Бросила своего партнера посередине танца и выскочила на улицу. Во дворе было пусто. Выглянула за калитку. Автомобиля Аспенских нет. Досадное подозрение кольнуло душу. Сзади донеслись шаги. Оглянулась, увидела Адаевского, визгливо накинулась на него:

– Где Хавин?

– Уехал.

– В гостиницу?

– Естественно.

Алла поморщилась:

– А где Аспенские?

– Не доложились.

– Ты с женой провожал их. Не скрывай, Анатолий.

– Ты что, Алла, с цепи сорвалась? Мы Павла проводили, а Аспенских я не видел.

– Не ври мне, Анатолий!

– Нет, ты точно с цепи сорвалась. Зачем они тебе? Ну, нету и нету. Иди в дом.

– Отвяжись от меня, Адаевский! Надоел! Все ваши морды наскучили!

Торжество для Истровской потеряло всякий интерес. Смотреть на лица, которое тысячу раз видела, стало тошно. Ею овладела интрига, связанная с Хавиным и Аспенскими. Она хлопнула калиткой перед носом Анатолия и метнулась к своей машине. Проехала по деревенской темной улочке к дороге. Мысли о Павле возбуждали.

Алла была красивой женщиной, вокруг нее всегда было много мужчин, желавших ее. Но никогда она не допускала мысли, что кто-то из них может оказаться в постели с нею помимо ее воли. Истровская не интересовалась теми, кто волчком крутился рядом и смотрел на нее масляными глазами. Она завоевывала сама. В этом был особый смак. Иногда Истровская думала, что ей надо было родиться мужчиной, потому что в любом деле упорство и упрямство у нее было таким, что не всякий мог соперничать с нею.

Алла выжимала газ до отказа. Машина летела. Фары пробивали темноту, колеса по асфальту шуршали. Но Истровской казалось, что катится она еле-еле.

Въехав в город, мгновенно проскочила по улицам к гостинице. Окинула взглядом окна, пытаясь угадать, за каким из них может находиться Хавин. И быстро выпрыгнула из авто.

Пробежала по узкой дорожке, освещенной двумя тусклыми светильниками на столбах. Гостиница закрыта изнутри, Алла нажала на кнопку звонка. Раздался щелчок замка, дверь распахнулась, полоса яркого света ударила по глазам и окатила Истровскую. На Аллу уставилось полудремотное лицо женщины-администратора:

– Места есть, заходите, – сказала женщина, приняв Истровскую за нового гостя.

Алла шагнула мимо нее, спрашивая на ходу:

– Павел Сергеевич Хавин приехал?

В течение дня было всего четверо новых посетителей, администратор запомнила имена и на вопрос Истровской кивнула:

– Да, остановился у нас еще днем.

– В каком номере?

Администратор ответила и окинула Аллу взглядом сверху донизу, пытаясь определить, кого видела перед собой. Вечернее платье Истровской, ее красивая прическа и уверенный вид приводили женщину в замешательство.

Алла нетерпеливо шагнула по коридору.

– Вы куда? – администратор сбросила с себя полудремотное состояние. – Его нет в номере!

– Вы же сказали, что он приехал, – Истровская импульсивно дернулась и оглянулась, продолжая двигаться вперед.

– Я сказала, что он вселился. Но вскоре куда-то ушел и больше не появлялся, – поспешила сообщить администратор.

– А разве полчаса назад он не вернулся с женщиной?

– Нет. Ни с женщиной, ни один не возвращался.

Алла остановилась и замерла, внимательно недоверчиво посмотрела на администратора:

– Вы уверены?

– Странный вопрос. У меня ключи от его номера. Если хотите, могу показать, что он пустой. А собственно, почему я вам должна показывать? Вы кто ему, жена? Если не жена, то посторонним тут делать нечего.

Но Алла стремительно сорвалась с места и подошла к двери номера. Постучала несколько раз и окликнула Хавина. Прислушалась к тишине в номере и, хмуря брови, отступилась.

Сейчас она сожалела, что не вышла из дома Адаевских на улицу вслед за Хавиным. Теперь уже Алла видела прямую связь между исчезновением Хавина и Аспенских с торжествах.

– Я же говорила, – вздохнула администратор, когда Истровская вернулась к входной двери.

Алла недовольно поморщилась и ничего не ответила. Выйдя из гостиницы, некоторое время постояла в раздумье. Администратор не закрывала дверь до тех пор, пока Истровская не двинулась дальше.

Алла раздраженно села в автомобиль, не представляя, куда мог подеваться Хавин. Она даже мысли не допускала, что он уехал к Аспенским. Она была так уверена, что найдет его в гостинице. И осечка. Но не покати же он вот так вдруг домой, в Москву, черт бы его побрал. Может быть, просто кружит по городу от нечего делать. А может, Аспенским что-то известно.

Истровская завела мотор. Достала сотовый телефон и позвонила Константину. Без обиняков спросила:

– Где вы сейчас находитесь?

– Почему ты думаешь, что я буду перед тобой отчитываться? – В голосе Аспенского звучала ухмылка.

– Павел с вами? – уточнила свой вопрос Алла. Ее, в конечном счете, мало интересовало, где находились Аспенские.

– Эта песня не про тебя! – прозвучало в ответ уже без усмешки, но с жесткостью, присущей Аспенскому.

Алла мгновенно вышла из себя:

– Не учи меня жить, я сама тебя поучу! Дай ему трубку!

Однако ей в ответ Константин жестко отрезал:

– Займись другими делами! Или найди для утех другого мужика!

– Передай, говорю, трубку! – взрываясь, выкрикнула Истровская.

– Его здесь нет! – холодно произнес Константин.

– Тогда где он? Куда подевался? Я знаю, это твои козни! – не отставала Истровская.

– Я сказал, здесь его нет! Сколько еще тебе повторять? – процедил Константин.

Алла в бешенстве завизжала:

– Отвечай, паразит, на мой вопрос, иначе я выцарапаю глаза твоей Веронике! Пусть она возьмет телефон!

– Не надрывайся, Алла, – понизил тон Константин, чтобы сбить накал страстей. – Вероника уже легла спать. Успокойся.

Но успокоить Истровскую было трудно:

– Кому сказала, пусть возьмет трубку! – требовала она. – Ты врешь, паразит, что она спит! Я знаю, что врешь! – Алла ударила рукой по рулю.

– И ты ложись спать, Алла, ты слишком возбуждена, – посоветовал Константин с новой ухмылкой.

Эта резануло слух Истровской, и догадка кольнула в сердце. Алла выдохнула:

– Вероника с Павлом? Ты подложил ее под Павла? Негодяй!

Аспенский грубо прервал:

– Мне надоели твои вопли, дурная баба. Ты много выпила сегодня. Я говорил тебе, не пей так много.

Истровская забилась в истерике:

– Говори, где Вероника? Отвечай, паразит! Я все равно найду их!

– Спит! – жестко отрубил Аспенский и оборвал телефонный разговор.

Алла нервно сжалась, стуча зубами, и долго приходила в себя. Дышала полной грудью, не чувствуя ни ног, ни рук.

Когда фары автомобиля Хавина осветили кирпичный забор и ворота к большому кирпичному дому Аспенских, Вероника протянула водителю ключи:

– Здесь от калитки и от ворот.

Тот открыл и въехал во двор. Свет фар уперся в кирпичную стену с большими темными окнами и фасонные двери дома. Вероника и Хавин вышли из машины. Павел ощутил досадное волнение, словно с ним происходило какое-то сумасшествие. Пустой дом. Вероника. Он. Может быть, все-таки не стоило соглашаться с ее предложением. Впрочем, глупо было теперь об этом думать. Обожгла шальная мысль, что именно это ему и нужно теперь.

До сих пор лишь сумасшествие бизнеса целиком поглощало его, он кипел в этом сумасшествии, делал деньги и никого вокруг себя не замечал. Женщины для него были сопутствующим звеном. Они шли рядом, сопровождали. Однако это не устроило их. Жены хотели, чтобы Павел сходил с ума от них, а уже потом от бизнеса. Но у него было все наоборот.

Впервые в нем как-то это перевернулось, когда с ним была Юлия. А теперь ее лицо стало в памяти теряться и на его месте возникло лицо Вероники. Сожалеть об этом было глупо, ибо он не сомневался, что уже больше никогда не встретит Юлию.

Павел смотрел, как Вероника открывала дверь в дом. Стройная фигура, красивые ноги, горделивая осанка – все нравилось ему. Она открыла дверь и сквозь полосу света фар вернулась к Хавину, приблизилась так, что он уловил ее дыхание:

– Вы о чем-то думаете, Павел? – спросила так, будто знала все его мысли.

А ему захотелось обнять ее, его тело напряжилось. Вероника слегка раскрыла рот, как бы предлагая губы для поцелуя. Но Павел стряхнул с себя это наваждение, не поддавшись порыву, боясь все испортить. Через силу выговорил:

– Ни о чем я не думаю, Вероника.

– Значит, мне почудилось, – вздохнула она. – Наверно, в темноте всегда что-нибудь чудится.

– Возможно, – буркнул Павел.

Вероника продолжала стоять перед ним, и он начинал понимать, что она ждет от него каких-то действий. Следовало взять ее за плечи, обнять и поцеловать. Однако Павел не сделал этого. Он отступил на шаг. И тогда она проговорила:

– Я приглашаю вас в дом, – взяла его за локоть.

Вошли внутрь, Вероника включила свет и сопроводила Павла по комнатам, что-то поясняя. Но Хавин восхищенно смотрел на женщину и не слышал ее пояснений. В пустом доме – никого кроме них. Ее голос завораживал. Его тело готово было взорваться от напряжения. Вероника посмотрела ему в глаза:

– Да вы меня не слышите, Павел. Поглядите, это комната, в которой вы будете спать, а эту кровать я сейчас застелю для вас. – Вероника улыбнулась. – Я всегда сплю на ней, когда ночую в доме. Мне нравится эта кровать. Вам она тоже понравится.

От ее близости у Павла перехватило дыхание. По телу побежало тепло.

– Вы думаете? – прошептал он и судорожно обнял ее за талию.

– Да, – тоже прошептала Вероника.

Павел провел рукой по ее бедрам и почувствовал, как они вздрогнули и подались к нему, хотя он не делал для этого никаких усилий. Она не пыталась отстраниться, ее губы были все ближе, грудь притиснулась к нему. А руки поднялись и обхватили его за шею. Павел поймал ее губы. И крепко прижал женщину к себе.

Поцелуй длился долго, может быть, даже очень долго. Но Павел не мог прервать его, потому что не хотел прекратить состояние безумия. Вероника не противилась. Павел каждой клеткой своего тела ощущал ее податливость. Наконец он оторвался от ее губ и поднял на руки. Понес к кровати, не слыша, как она шептала ему:

– Павел, Павел, помнете платье. Павел, Павел, надо снять платье. Погодите, я сниму платье.

Он положил Веронику на кровать, и больше она не обращала внимания на платье. Одежда была отброшена и два тела жадно сплелись. Куда только подевалась уравновешенность Вероники. Она была неистовой, безудержной и ненасытной до ласки.

Ему нравилось, как ее тело металось в восторге. Ее не потухшая красота знала, что не так много времени у нее остается до появления первых следов увядания. Женщина желала остановить время и взять из молодости все, что не успела прежде.

Затихла Вероника, когда выбилась из сил. Павел откинулся от нее и закрыл глаза. Долго лежали молча. Потом Вероника выговорила:

– У меня чуть не остановилось сердце, Павел.

– Я бы не хотел, чтобы это произошло, – отозвался он.

Но она вдруг обескуражила:

– А я бы хотела. Это прекрасно. – Потом спросила: – Вам понравилась моя постель?

Павел понял иносказательность вопроса, конечно же, Вероника хотела знать, понравилась ли она сама ему в постели.

И Хавин ответил, принимая ее игру:

– Бесподобная постель, жаль, что завтра мне нужно уезжать.

– Дела можно отодвинуть, не правда ли? А постель для вас я могла бы застелить на всю неделю. – Вероника приподнялась на локоть. – Или вы хотите, чтобы я ушла?

– Нет, что вы, – сказал Павел, – я бы этого не хотел. Тогда я буду чувствовать себя одиноким. – Он помолчал. – Но ведь вас, наверное, ждет муж.

Вероника прижалась к его губам, а затем вздохнула:

– Не думайте о нем. Или рядом со мной вам больше не о чем думать?

– Рядом с вами можно думать только о вас, – Павел запустил руку ей между бедер.

– Вот и думайте обо мне. – Вероника раскинула ноги. – А с мужем я давно уже не сплю. Хавин обхватил ее и прижал к себе. И снова мир для них перестал существовать.

Уже под утро Вероника спросила:

– Вам нравится ваш бизнес?

– Я уже втянулся в него, и мне трудно было бы порвать с ним. – По лицу Павла пробежала задумчивость.

– Мой муж тоже, как помешанный, чокнулся на бизнесе. Спит и видит свой проект, – с досадой вздохнула Вероника.

Хавин слегка поморщился:

– Из этого вряд ли что получится.

Вероника сделала паузу и вдруг спросила:

– Вам жалко денег?

Павел усмехнулся и приподнял голову:

– Дело не в деньгах, дело в жизнеспособности проекта. У меня богатый опыт по таким вопросам.

Женщину его объяснение не убедило:

– А я не сомневаюсь, Павел. Вы не знаете моего мужа. Он уперт и безрассуден. Если он захочет, чтобы на палке расцвели розы, палка зацветет розами.

Павел покрутил головой:

– Существуют законы экономики, Вероника.

Женщина засмеялась:

– Неужели вы подумали, что я умею только заниматься любовью и больше ни на что не способна? Вы заблуждаетесь, Павел, я по образованию экономист и хорошо понимаю то, о чем вы говорите, но для моего мужа законы экономики это бледное приложение к бизнесу. Мне раньше часто самой казалось, что он делает нечто несовместимое с законами, и всякий раз мне приходилось искать объяснения тому, как у него могло получиться то или иное направление в бизнесе. Все неизменно получалось. Так что и тут я верю, что все получится. Не скупитесь, вы на этом выиграете.

Но Павел никогда скупым не был, он мог бросить в оборот все свои деньги, если видел, что дело выгорит. Был способен на риск, но на оправданный риск. А проект мужа Вероники казался ему прожектом.

– Не скупитесь, – повторила Вероника, хорошо видя, как Хавина коробило это слово.

Павел глубоко вздохнул:

– Утром посмотрю расчеты. Ваш муж должен подвезти их в гостиницу.

– А вы без этих расчетов пообещайте мне помочь. Ради меня. Или я не стою этого? – Она прижалась к нему грудью.

Хавин опять вздохнул, целуя ее:

– Вы стоите гораздо дороже, Вероника. И вообще понятие цены к вам неприемлемо. Вы редкая женщина, вам нет цены! Но вы используете запрещенный прием.

– И все-таки? – не отступала она.

Павел отстранился и посмотрел в ее глаза:

– Ну, хорошо, обещаю помочь.

Вероника провела рукой по телу Хавина и сильно притянула его к себе. Страсть захватила их.

В сон провалились оба и разом, когда солнце уже вышло из-за горизонта. Уснули безмятежно, раскидавшись на широкой кровати. Сколько продлилась эта безмятежность, Вероника не знала, когда ее сон прервал крик. Он прошел сознание, вырывая из забытья.

– Мама, мама! Мама!

Павел вздрогнул от этого крика.

Вероника очнулась и рывком подняла голову, спросонья не понимая, что происходит.

Выкрик повторился:

– Мама, как это понять?

Вероника повернула голову к двери и увидела в проеме дочь. Та стояла, растерянная от неожиданности. Женщина вспомнила, что она лежала голая, и потянулась рукой за покрывалом, но не нашла. Потому что его не было вовсе. Придя в себя, оторопело обронила:

– Это ты, Юлия?

– А кто же еще, мама?

– Как ты здесь очутилась?

– Хорошо, что очутилась я, а не кто-нибудь другой, – она, конечно, имела в виду отца, и Вероника поняла ее.

– Что творится, мама? Почему ты в постели с этим человеком? – Юлия глянула на Павла.

– Ты уже не маленькая, Юлия, – отозвалась Вероника, ей была неприятна эта сцена, потому что она не хотела, чтобы дочь проникала в тайны темных сторон их существования с мужем.

Хавин тоже оторвал себя от глубокого сна. Увидел в дверях Юлию. Поначалу опешил, ибо ее никак не должно быть здесь. Ее появление это какая-то немыслимая нереальность. Однако скоро до Павла дошло, что Юлия – дочь Вероники. И этого он никак не мог ожидать. На мгновение перехватило дыхание. Мысли спутались. Юлия, Вероника, Вероника, Юлия.

Девушка смотрела на Хавина, губы ее дрожали:

– А вы почему тут?

Павел сел, опустил ноги с кровати.

– Почему? – выкрикнула она. – Кто вы такой?!

Обида захлестывала ее. Юлия никак не ожидала увидеть в постели со своей матерью Павла. Кого угодно, но не его. Проведенная с ним ночь разбудила в ней волнующее и теплое чувство. И вдруг. Неужели он любовник матери? Эта мысль ударила ее. И хотя ночь с ним ни к чему не обязывала никого из них, все же Юлия была огорчена увиденным.

Павел все еще путался в своих мыслях. Вероника, Юлия, Юлия, Вероника. Они были обе красивы, и обе безупречны в постели.

Хавин видел, как дрожали губы Юлии, и хотел прекратить эту дрожь, но не знал – как. Сказал первое, что пришло на ум:

– А сколько времени?

Юлию вспыхнула и покраснела:

– Что? Вы издеваетесь надо мной?!

Вероника сползла с кровати и схватила со стула платье:

– Успокойся, Юлия, не надо так волноваться – Платье скользнуло по красивому телу женщины. Она подошла к дочери, дотронулась до нее рукой.

Но Юлия отшатнулась:

– Мама, как ты могла с ним? С этим! – В эту секунду она испытывала вражду к Хавину, но глубоко в душе понимала, что просто ревновала. – Он твой любовник? Скажи правду, мама!

Вероника оглянулась на Павла, который торопливо натягивал на себя брюки:

– Нет, Юлия, он не любовник, хотя я бы не возражала против этого.

– Не любовник?! – Юлия смотрела недоверчиво. – Тогда почему он в твоей постели?

– Так получилось, Юлия, так получилось, – Вероника сказала это таким тоном, словно сожалела, что все уже закончилось.

Юлия вздохнула, как будто свалила с души груз.

Павел собрался и стоял молча, не вмешивался в разговор между дочерью и матерью.

Юлия снова спросила:

– Так он не к тебе приехал?

– Я была бы рада, если б ко мне. Но нет, – в голосе Вероники звучала досада.

– Ты давно его знаешь? – допытывалась Юлия.

– Несколько часов, – сказала мать. – И не учиняй мне больше допроса, Юлия, это некорректно в присутствии чужого человека.

– Чужого? – усмехнулась Юлия. – Да какой же он нам чужой, мама. Совсем он уже не чужой! – в ее голосе вдруг появились веселые язвительные нотки.

Вероника не поняла сарказма, подумала, что не чужим Юлию назвала Хавина потому, что увидала его голым в ее постели:

– Твоя ирония неуместна, Юлия.

– Я не иронизирую, мама, – хмыкнула дочь. – Я его ненавижу. Кстати, он понравился тебе в постели?

Веронику рассердил вопрос Юлии. Дочь влезала в запретную зону. Мать могла бы не отвечать и отчитать ее, если бы здесь не было Павла. Но при нем уйти от ответа не хотела.

Этой ночью она добилась от Павла того, чего хотел от нее муж. Но теперь была довольна, что так быстро все получилось. Лучше бы Хавин отказал ей и тогда был бы повод продолжать удерживать его возле себя.

Она чувствовала, что этой ночью с нею произошло нечто такое, от чего не могла остыть и чего хотела еще и еще. Хотела, чтобы все повторилось неоднократно, и надеялась, что повторится. В ней вспыхнула страсть, повлекло к Павлу уже во время торжества. А в постели с ним ощущала в себе клокочущий вулкан. Поэтому на вопрос Юлии, Вероника сказала:

– Он мне понравился.

Девушка вздрогнула, как от пощечины, ибо мать вслух выразила ее мысли. Мать смотрела на Хавина такими же глазами, какими смотрела на него дочь. Юлия прикусила губу:

– Как его зовут?

– Павел. Павел Сергеевич Хавин.

Юлия глянула ему в глаза и резко выговорила, вздрагивая от собственных слов:

– Вот что, Павел Сергеевич, убирайтесь из этого дома вон, и чтобы духу вашего больше тут не было! Никогда! – Юлия выпалила не те слова, какие рвались у нее из груди, но все так перепуталось и превратилось в какое-то дикое недоразумение, что в этом положении было уже не только трудно контролировать себя, но и невозможно понять, какие же слова ей хотелось произнести.

Мать схватила дочь за руку:

– Юлия, как ты смеешь? Это мой дом и мне решать такие вопросы! Павел Сергеевич остановился в нашем доме на неделю! Не слушайте ее, Павел Сергеевич!

Хавин не собирался останавливаться здесь на неделю, но он понял, почему Вероника сказала это. Однако его больно резанули слова Юлии, и он шагнул вперед, сбивчиво проговорив:

– Простите, Вероника, но на утро у меня назначена встреча. К тому же ваша дочь, наверно, права. Я не должен был здесь останавливаться. Я немедленно покину этот дом, как хочет Юлия. – В душе он остро сожалел, что все так получилось.

Вероника не знала о случайной связи Юлии с Павлом, а потому была обескуражена поведением дочери и конфузом Хавина.

Павел растерянно шагнул к двери. Юлия отступила от проема, пропуская.

У Вероники на мгновение будто затмило рассудок, она едва не сорвалась с места, чтобы остановить Хавина, не выпускать из спальни. Ее мечущийся взгляд осуждал Юлию, а на Павла смотрел с немим укором.

Юлия злилась на Хавина, она в этот миг ненавидела себя за вырвавшиеся слова и ненавидела Павла за то, что тот был неразборчив в связях с женщинами. После ночи с ним в ней жил восторг, для нее было бы дикостью представить Хавина в постели матери. Но эта дикость произошла. Он разрушил ее восхищение. И увеличил боль в душе, ибо сейчас она поняла, что ее терзало чувство ревности. Это было ужасно скверно и невыносимо.

Хавин молча вышел из комнаты. Вероника и Юлия с тоской посмотрели ему вслед. После хлопка входной двери мать и дочь уныло глянули друг на друга. Мысли их были схожи.

Веронике было жаль себя. И жаль, что вот так в глазах дочери разрушился миф об их счастливой семье. Миф, который они с мужем создавали годами и на котором воспитывали дочь.

И Юлии было жаль себя, лучше бы она ничего не видела и ничего не знала.

Вероника первая прервала молчание: – Почему ты здесь очутилась?

– Я не думала, что увижу это. – Юлия почувствовала себя виноватой перед матерью, она представила вдруг, как бы она сама была ошарашена, если бы оказалась на месте матери и в комнату ворвался, например, ее отец и нарушил идиллию.

Вероника увидела на стуле свои трусики, которые впопыхах не успела надеть, и потянулась за ними.

Юлия вздохнула: ее муж в гостинице оказался умнее. Ведь он застал ее в постели вместе с Хавиным, но не вошел в номер и не поднял шума. А она разбудила мать и Павла и развязала язык. Зачем, кому от этого легче? Ведь видела чужую машину во дворе. Нет бы повернуть назад. Не догадалась. Не сообразила. Теперь ругала себя. И, пытаясь объяснить матери свою вспышку, ошарашила:

– Я ушла от Валентина.

У Вероники расширились глаза. Минуту она стояла, оглушенная таким известием, забыв о Павле. Уж не ослышалась ли?

– Так получилось, мама, – добавила дочь и безрадостно улыбнулась, ибо повторила недавние слова матери.

– Но так не должно получаться, – убежденно произнесла Вероника.

Юлия могла бы и эти слова вернуть матери, но увидела мученическое выражение на лице той и развела руками, мол, что ничего изменить нельзя.

– Ты же понимаешь, что папа этого не допустит, – обреченно произнесла мать. – Ты знаешь, у него с отцом Валентина общий бизнес. Ты хочешь разрушить все?

Светловолосая голова девушки непокорно дернулась, и Юлия прошла к окну.

– Нет, я, конечно, уважаю твое решение, – сказала Вероника, быстро надевая трусики, – но поймет ли тебя папа? И что думает по этому поводу Валентин? Ты заставляешь его страдать. Ведь он любит тебя.

Юлия безразлично пожала плечами. Выглянула во двор, увидела, как за ворота выехала машина Хавина. Повернулась лицом к матери:

– Ничего страшного, скоро забудет.

– Ты красавица, таких быстро не забывают, – возразила Вероника.

Дочь усмехнулась:

– Забывают всяких, мама, всяких.

Вероника с досадой поморщилась, она должна была согласиться с дочерью, ведь ее опыт подтверждал слова Юлии:

– Но что скажут родители Валентина, когда узнают? – обронила она задумчиво.

– Мне все равно, мама. – дочь опять отвернулась к окну.

И хотя Вероника была убеждена, что семьи создаются для того, чтобы быть, а не распадаться, она промолчала в ответ, лишь платье ее прощуршало, когда женщина переступила с ноги на ногу.

Юлия оглянулась:

– Я надеюсь, что ты меня поймешь, мама. Особенно теперь. – Дочь не уточнила, что означали ее последние слова, но Вероника догадалась, что та намекала на связь с Хавиным.

Она опустила глаза, сказав, что понимает Юлию, но не поддерживает. Лучше бы та вернулась к Валентину, пока об их размолвке никто не узнал. Пусть все для всех останется тайной.

– Слишком много тайн, мама. Ни к чему это, – грустно усмехнулась дочь.

– Жизнь не однозначна. Скоро ты поймешь, – с горечью произнесла мать. – Никогда не стоит рубить с плеча. Пообещай мне хотя бы подумать еще.

Юлия медленно прошлась по комнате, остановилась, прислушиваясь к взволнованному дыханию матери, и негромко отозвалась:

– Ну, хорошо, я подумаю еще, мама.

Вероника одобрительно кивнула:

– Выбирать всегда надо того, кто тебя любит.

5

Валентин сидел в машине, стоявшей на обочине дороги. Он чувствовал себя отвратительно.

Вспоминал, как ночью увидел жену в объятиях другого мужчины, как потом весь день пытался забыть об этом, как уезжал от злополучной гостиницы все дальше, как старался восстановить отношения с Юлией. Иногда казалось, что жена становилась прежней, особенно, когда она начинала улыбаться. Как будто все возвращалось на круги своя. И появлялось ощущение, что снова все будет хорошо. И он ехал, ехал и ехал, кружил по дорогам вокруг города, пока не наступила новая ночь.

Юлия на заднем сиденье заснула. А Валентин, сжав зубы, боролся со сном и не хотел останавливаться, чтобы не убить надежду. И все-таки перед рассветом, когда до дому оставалось не более получаса пути, усталость одолела. Он съехал на обочину и застопорил машину. Пересел на заднее сидение к Юлии. Откинулся на спинку и прикрыл глаза. Отключился мгновенно.

Когда проснулся, жена еще спала. Всмотрелся в спокойное милое лицо, и у него появилось желание поцеловать его. Юлия не сопротивлялась, и это придало ему смелости. Валентин целовал жену, а рука скользила между ее бедер. И тут она резко взбрыкнула. Тогда Валентин, ломая сопротивление, стал срывать с нее трусики. Завязалась упорная борьба. Валентин не желал проигрывать, а Юлия не желала уступать.

– Отстань, не хочу! – крикнула она с ожесточением.

– А с ним хотела? – прохрипел муж.

– Противно все! – ударила его.

– А с ним не было противно? – злился он.

– Ты омерзителен! – взвизгнула и вцепилась тонкими длинными пальцами ему в лицо.

Руки Валентина сжались в кулаки, но он не мог ее ударить, он любил ее. Покраснел от натуги, ослабил напор, обиженно спросил:

– А он не омерзителен?

Юлия вырвалась из его рук и распахнула дверцу, чтобы выскочить. Но Валентин удержал. Его пальцы снова крепко вцепились в ее бедра, сжимая до боли.

– Мне больно! – прокричала она не своим голосом.

– А мне не больно?! – рычал у нее над ухом он.

Юлия сумочкой ударила его по лицу. Валентин вскрикнул и отпустил. Она выпрыгнула из машины:

– Больше не смей прикасаться ко мне! – выплеснула с негодованием. – Видеть тебя не хочу!

Валентин неуклюже потянулся за нею:

– Юлия, прости меня, я не хотел, вернись, – он унижался, чувствуя, что может потерять ее, и это приводило его в смятение. – Прости, Юлия.

– Не вылезай! – яростно кипела она. – Не приближайся ко мне! Все кончено! Я уйду от тебя! Уйду! – Сорвалась с места и побежала вдоль дороги.

Валентин замер тревожно, выставив из салона ноги и голову, и только шепотом повторял, хотя Юлия уже не слышала его:

– Прости, прости, прости. – В эту минуту его охватило чувство опустошенности.

Девушка неслась по дороге. А та словно вымерла. Ни одного автомобиля. Седан Валентина остался далеко позади. И вдруг послышался шум. Оглянулась и отдышалась. Приблизился черный седан. Подняла руку. Машина притормозила. Юлия попыталась улыбнуться водителю, но это плохо получилось.

– Ты чего растрепанная такая? – спросил парень, опустив стекло. – Болтаешься по дороге ни свет ни заря? – показал в сторону авто Валентина. – Оттуда, что ли?

Она кивнула.

– Приятель, что ли? – парень окинул взглядом девушку с головы до ног.

– Хуже, – ответила та, и поправила прическу.

– Ну и дела, – протянул водитель. – Бывает. А почему ты думаешь, что я лучше? Присысь в машину к первому встречному.

– Это муж.

– Вона как. Чего не поделили-то?

– Разошлись во взглядах на жизнь.

– Ну и дела, – снова потянул парень. – Бывает. Тогда садись.

Юлия юркнула на заднее сидение машины. Водитель нажал на газ.

Валентина словно какая-то пружина подкинула с места, он метнулся к рулю своего автомобиля и завел мотор.

Девушка скрестила руки, чувствуя, как начинает успокаиваться, будто она наконец приняла решение, которое освобождало ее душу от тяжести. Парень, не оборачиваясь, бросил:

– Ничего, к обеду помиритесь.

– Вряд ли, – отозвалась она.

– Бывает, – протянул он веселым тоном, глянув на Юлию через зеркало заднего вида. – Давно женаты?

– Вчера сказала бы не очень, а сейчас кажется, что целую вечность, что столько не живут, – вздохнула девушка.

– Ну и дела, – усмехнулся водитель и закончил: – Бывает. Я тоже был женат, разбежались через полгода.

– Тоже не сошлись во взглядах на жизнь? – спросила Юлия и, не дожидаясь ответа, протянула его любимое словечко: – Бывает.

Парень оглянулся и раскатисто бесшабашно засмеялся. Потом смачно зевнул и в зеркале заднего вида заметил авто Валентина:

– А муженек твой шпарит за нами.

Она обернулась, недовольно нахмурилась, втянула голову в плечи и попросила прибавить скорость.

– Прибавим, – охотно протянул водитель и надавил на газ.

Но машина Валентина обошла автомобиль парня и круто подрезала, прижимая к обочине. Тот резко затормозил, но избежать столкновения не удалось. Парень выругался и выскочил из салона, кинул взгляд на помятый бампер.

Валентин выпрыгнул ему навстречу:

– Ездить научись?!

– Ты чуть на тот свет не отправил нас! – закричал парень, хватая его за грудки.

Валентин резко оттолкнул и машинально ударил. Был, как в тумане, готовый все смести на своем пути. Рвался к Юлии, чтобы попросить прощения за свою грубость.

Но парень тоже ударил. И началась потасовка.

Валентин бил с остервенением, как будто видел перед собой виновника всех своих бед. Не бить он не мог, ибо в нем скопился сильный заряд отрицательной энергии. Ее следовало обязательно израсходовать. Иначе этот заряд, казалось, вот-вот разорвет его самого. Но и парень попался крепкий орешек. Хрипел от злости и бил точно в цель.

Юлия подхватила сумочку, выскользнула из машины парня и кинулась прочь от побоища. Остановила встречный автомобиль, выскочив на середину дороги и расставив руки. Через опущенное стекло ей в лицо матюгнулся раздраженный голос:

– Ты что, сумасшедшая, мать твою?!

Юлия молча раскрыла дверцу и, не спрашивая разрешения, плюхнулась на сидение рядом с хозяином авто.

– Ты кто? – спросил тот, тараща глаза. – Только тебя тут не хватало, мать твою!

– Не ругайтесь. Поехали! – торопливо проговорила девушка, захлопнув дверцу.

– Еще командуешь, мать твою! – дернул головой мужчина. – Не из-за тебя там кулачный бой, мать твою? – показал на драку.

– Нет, – сказала Юлия и отвернулась. Все было безобразно и неприятно. Она не желала быть причастной к драке.

– Чего им нейдется, мать твою? – не поверил ей хозяин автомобиля.

– Не знаю, – пожал плечами девушка под его пытливым взглядом.

– Не знает она, мать твою, – крикнул мужчина. – Только из-за баб мужики устраивают петушинные бои. Куда тебе? – спросил, видя, что высадить Юлию ему сейчас не удастся.

– Прямо, – ответила Юлия, вспомнив о загородном доме родителей. – Я заплачу.

– Я на рыбалку еду, мать твою, мне не с руки ехать прямо, – недовольно выговорил мужчина.

– Я оплачу всю вашу рыбу, – пообещала она.

– Это другое дело, мать твою, – крикнул рыбак. – Говори, куда везти, мать твою.

Драка продолжалась еще несколько минут после того, как уехала Юлия. В запале никто из дерущихся не увидел ее исчезновения. Прекратилось все после того, как лица были разбиты в кровь, одежда порвана и перепачкана.

Валентин, не обнаружив Юлию в машине парня, озадаченно огляделся:

– Где она?

– Тебе лучше знать! Это твоя жена! – бросил парень, ощупывая ссадины. – Лучше скажи, что делать будем? ГИБДД вызывать надо.

– Да пошел ты вместе с ГИБДД! – зло отмахнулся Валентин. – Где Юлия? Куда она делась?

– Значит, ее зовут Юлия? Симпатичная бабенка. Я бы таким олухом не был, как ты, приятель, – усмехнулся парень.

– Я же видел ее в твоей машине! – растерянно смотрел Валентин, ожидая хоть какого-то объяснения.

– Знать, сбежала твоя Юлия, пока ты на меня с кулаками кидался, – ответил тот и снова спросил. – Так что делать будем? Машину ты мне повредил.

Валентин молча вынул из кармана портмоне, протянул парню деньги.

– Мало, – услышал в ответ. – Тут как бы радиатор не пришлось менять.

Валентин видел, что тот врал, но спорить не стал. Добавил купюру еще. Парень взял деньги, заправил грязную рубаху в брюки, сел в машину и быстро укатил. Валентин осмотрел вмятину на своем автомобиле, поправил одежду, отряхнулся, сел за руль, положил голову на подголовник и стал смотреть в одну точку. Так просидел долго.

Дорога постепенно оживала шумом шин и гудом автомобилей.

Настроения у Валентина не было никакого.

В зеркале отражались разбитые губы, синяк под глазом и кровь на лице. Теперь он осознавал, что Юлия, наверно, не приняла бы его извинений и не простила бы его, даже если б он встал перед нею на колени. А он бы встал, потому что любовь к ней поела его разум.

Задумавшись, не заметил, как на противоположной обочине остановился белый автомобиль и через дорогу устремилась молодая женщина. Вздрогнул, когда она открыла дверцу его авто.

– Это вы? – удивился, узнав.

– Конечно, я, Валентин. Сколько раз я говорила тебе, не обращай ко мне на «вы»! Иначе я чувствую себя некрасивой и ужасной, а я ведь еще очень красивая, – ответила Алла Истровская. – Вижу знакомый автомобиль на обочине. Вот и остановилась, чтобы глянуть, не случилось ли чего? И вижу, что случилось. Потрепанный ты какой-то, и лицо неподходящее.

Валентин обратил внимание на ее красивую прическу, красивое платье и нетвердо перешел на «ты», сказал комплимент. Алла засветилась, игриво заглянула ему в глаза. А Валентин грустно подумал, что с Юлией сравнить ее не мог, хотя Истровская по-своему была хороша. Как-то раньше он этого не замечал. Но сейчас даже обрадовался, что Истровская появилась и отвлекла его от унылых мыслей о Юлии. И уловил, что она ждала от него новых восторгов. И он добавил, что сегодня она яркая и необычная. Алла с удовольствием засмеялась:

– Я рада, что ты рассмотрел во мне особенную женщину! – Дотронулась пальцами до его лица. – Здесь требуется приложить женские руки. – Осмотрелась. – Как ты оказался тут? Побитый, грязный, как поросенок! Один. – Опять заглянула ему в глаза. – Что случилось?

Валентин поморщился, ему было неприятно, что Алла увидела его в таком виде. Потрогал разбитые губы. Истровская достала из кармашка носовой платочек, чтобы вытереть засохшую кровь с его лица, но он отстранился. Алла усмехнулась и импульсивно вцепилась своими коготками в его руку:

– Не ершись! У меня не вырвешься! – Опять поднесла платок к его лицу и стала вытирать кровь. Ее напор был стремительным и настойчивым, противиться ему трудно. И Валентин сдался. А Алла приговаривала: – Такой красивый мальчик, такое красивое лицо. Красавчик, красавчик. И почему до сих пор не мой? – Грудью прижалась к его плечу.

Валентин чувствовал упругое тело Аллы под тонкой тканью платья, и в нем начинали просыпаться мужские инстинкты. А Истровская нарочно еще больше сбоку наваливалась на него и шептала, словно заволакивала:

– У тебя крепкое горячее тело.

Валентина все сильнее смущала близость Аллы. Его ладони вспотели. Наконец он пошевелился и отодвинул ее. Истровской не понравилось это движение, она дернулась и убрала от его лица носовой платок, сухо спросила:

– Ты не знаешь, где может находиться твоя теща, если в городе ее нигде нет?

Резкий перевод разговора на другую тему обескуражил Валентина, и он с заминкой неуверенно ответил:

– Возможно, в загородном доме.

– Я так и думала! – воскликнула Алла. – Ты подтвердил мою догадку. – Впилась взором в зрачки Валентина. Его выразительные глаза, длинные ресницы нравились ей. – Где же еще ей быть, как не в загородном доме? Ты проводишь меня туда? – Алла не отрывалась от зрачков Валентина.

Он чувствовал внутренний дискомфорт от близости Истровской:

– Я еду домой, мне надо домой, мне срочно надо домой. – Мозг Валентина раскалился и вдруг выпестовал новую мысль, что Юлия могла поехать в загородный дом родителей. Мысль, как спасительная соломинка. Он глубоко вздохнул и неожиданно для Истровской произнес: – Поехали! Мне тоже надо туда!

Две машины, перестроившись, тронулись в одном направлении.

К загородному дому подъехали после отъезда Хавина. Калитка была не заперта. Валентин толкнул ее рукой и решительно шагнул во двор. На пороге столкнулся с Вероникой. Та с грустью посмотрела на ссадины на лице Валентина. А он с наскока выпалил:

– Юлия тут?

– Здесь, – ответила Вероника, и по тону тещи он понял, что ей все известно об его разговоре с Юлией. Особенно, когда спросила: – Но зачем же было доводить до этого?

Валентин потупился:

– Мы помиримся, Вероника Борисовна.

– Да, Валентин, я очень на это надеюсь.

– Спасибо, Вероника Борисовна.

Вероника покачала головой:

– Она в спальне.

Валентин кивнул и направился в спальню. Юлия встретила его удивленным возгласом:

– Как ты догадался, где я?

Валентин подошел к жене и хлопнулся перед нею на колени, обнял ее ноги и зашептал:

– Прости, я виноват перед тобой, прости. – Запах Юлиного тела завораживал его.

Юлия недовольно поморщилась, но, помня о разговоре с матерью, сделала над собой усилие, положила руки ему на плечи:

– У тебя вся рубаха грязная, сними ее, – сказала так, будто ничего важнее рубахи сейчас не было и будто ничего между ними не произошло. На самом же деле ей сделалось жаль его, она должна была что-то сказать, ибо Валентин ждал.

Он поднялся с колен, и Юлия крохотными подушечками на тонких и длинных пальцах дотронулась до ссадин на его лице:

– Больно?

– Пустяк, не обращай внимания. Я тебя люблю.

– Я знаю.

– Я тебя очень сильно люблю.

– Я знаю.

– Ты простила меня? – Он смотрел на Юлию умоляющим взглядом.

Ей было не по себе от такого униженного взгляда Валентина, ее это раздражало. Разве так важно простила или нет, для нее важно сейчас другое: она не любила Валентина. Если бы начать сначала, она все сделала бы иначе. И не раздражалась бы теперь жалким видом мужа. Чтобы не отвечать на его вопрос, перевела разговор на другую тему:

– Зачем ты начал драться? Ведь он сильнее.

– Ничего подобного, – воспротивился муж. – Ты бы видела, как я его отделал!

– Иди в ванную, умойся.

– Да, конечно, конечно.

Вероника, проводив зятя взглядом, вышла во двор. Не удивилась, увидав у калитки Аллу. Лишь мелькнула мысль: откуда Истровской известно, где они с Хаиным находились? Остановилась, наблюдая за стремительно несущейся к ней Аллой. Та колко бросила:

– Не спишь?

– Ты тоже не спишь, – отозвалась Вероника.

– Вот привезла твоего зятя, чтобы посмотрел, с кем и чем тут занимается его теща, – съязвила Истровская, сверкая злыми огоньками в глазах. – Где Павел?

Вероника поняла, что Истровская нигде не нашла Хавина, а потому примчалась к ней сюда. Стало быть, все построено на догадках. Ведь не мог же Константин рассказать Алле о собственном плане. Но надо отдать должное мозгам Истровской, не зря она в городе удачливая бизнес-леди, несмотря на ее безумную тягу к мужчинам. Однако одно другому не помеха.

Впрочем, Вероника знала, что не уступит Алле ни в чем, когда перед нею есть цель. Посмотрела на Истровскую насмешливо. Ведала бы та, какое удовольствие она получила сегодня с Павлом, взбесилась бы. Сказала с иронией:

– Потеряла? Не там ищешь.

– Врешь! – взвизгнула Истровская и стремительно сорвалась с места. – Я знаю, что он здесь! – Вцепилась своими коготками в плечо Вероники. – Где он?

– Говорю тебе, здесь его нет!

Красивые губы Аллы вздрагивали:

– Ты меня не проведешь! – Зло дернулась. – Не стой у меня на дороге, Вероника, я глаза тебе выцарапаю!

– Побереги свои глаза, – спокойно парировала Вероника.

Спокойный тон Вероники раздражал Аллу, она сильнее впиалась ногтями в плечо соперницы. Ярость была из нее ключом. Она что-то кричала Веронике, и сама не понимала собственных слов. Скорее, это были женские угрозы, лютая женская ревность и лютая женская ненависть. Вероника отвечала на ее выкрики, пытаясь владеть собой. Но это получалось с трудом, ибо раж, в который вошла Истровская, начинал действовать и на нее.

Валентин залез в ванну, а Юлия вышла в прихожую. Услышала крики во дворе. Подошла ближе к входной двери, прислушалась.

Голос Истровской визгливо вызванивал:

– Не дотрагивайся до Павла, я уничтожу тебя и твоего мужа, если ты не послушаешь меня! Не подходи к Хавину на пушечный выстрел. Я отдам его тебе, когда сама попользуюсь!

– Ты бы у него спросила сначала, чего хочет он! – отвечала Вероника.

– Я никогда не спрашиваю мужиков!

– Ты слишком самоуверенна.

Истровская сделала длинную паузу, после которой разнеслось:

– Я вижу вас с Константином насквозь! Это он подкладывает тебя под Хавина! Я знаю, как он добивается результатов в своем бизнесе, ты у него, как шавка, под кого положит, под того и ложишься! Под кого последний раз ложились? Под Печаева, когда твой муж объединял с ним бизнес? И дочь свою подложила под его сына. Ничем не брезгуете, негодяи!

– Не говори чушь! – в голосе Вероники появилось недовольство. – Не смей!

Девушку поразили утверждения Аллы. Она не могла поверить, что такое возможно в семье родителей. Конечно же, это полнейший бред. Злой наговор. Но тогда почему Хавин очутился в этом доме, в постели матери? Случайности здесь не может быть. У Юлии стал распухать мозг. Подумала: а вдруг Истровская знает, о чем говорит? И снова прислушалась. Голос Истровской звенел натянутой струной:

– Твой муж хочет деньги выцганить у Павла, поэтому и кинул тебя, как наживку! А вот мне не нужны деньги Хавина, я хочу заарканить его самого!

– Умерь свой пыл, Алла, ты слишком агрессивна, – примирительным тоном произнесла Вероника.

Но Истровская не собиралась примиряться с Вероникой:

– Это ты подкатываешь тихой сапой. А мои намерения всегда открыты! Где Павел? И не говори, что не знаешь! Я вижу, что ты врешь, паразитка! – снова разъяренно взвизгнула она.

И здесь Вероника прервала Аллу, как будто ее задела за живое, Юлия услышала резкий выдох матери:

– Убирайся вон из моего дома! Чтобы ноги твоей тут больше никогда не было! Не хочу слышать тебя!

– Ах, ты не хочешь меня слушать?! – задрожала в ответ Истровская. – Нет, придется послушать, дорогуша! Знай, твой мужик не раз спал со мной! Не понравился он мне! Груб и тяжел, как бревно, с места не сдвинешь! Хорошо понимаю, почему ты под других мужиков охотно ложишься, потому что спать с таким, как твой муж, это одно наказание. Кстати, Печаев тоже был в моей постели! И Хавин – будет, скоро будет! Не мешай мне, Вероника, я ни перед чем не остановлюсь!

У Юлии подогнулись колени, казалось, ноги переставали держать ее. Уже трудно было не верить словам Истровской, ибо мать вела себя довольно странно, вяло протестовала напору Аллы. Дочь хотела увидеть ее лицо, посмотреть в глаза.

Выходит, их семейная идиллия это просто обман, ложь, которая длится годами, изо дня в день. А она верила, что выросла в идеальной семье, и переживала, что у нее не получалось идеальной жизни с Валентином. Но выясняется, что получить и не могло, потому что ее брак с Валентином Печаевым это просто часть бизнеса отца.

У Юлии все внутри взбунтовалось. Особенно когда она услышала последние слова матери:

– Не лезь мне в душу, Алла. Моя жизнь это моя жизнь. Уходи.

И девушка окончательно поверила словам Истровской. Безусловно, мать не могла сопротивляться железной воле отца, она всегда была беспомощна перед ним, неизменно подчинялась всем его требованиям. Стало быть, была бы не в силах отказаться лечь под кого бы то ни было, когда этого хотел отец.

Култ отца в семье неоспорим. Дочь с малолетства боялась его. Страх в ней жил постоянно, но все услышанное теперь оборачивало этот страх в протест. Боже мой, как же она ничего не видела, не понимала, даже мысли такой не допускала? Оказывается, все вокруг пронизано ложью, она жила рядом с неправдой, была внутри нее. Дом, родительская семья, муж – большой обман.

И вот разом все обрушилось. Исчезла опора жизни. То, за что она цеплялась как за стержень, оказалось мифом.

Юлия не видела, как Истровская стремительным вихрем унеслась за калитку, но почувствовала это. Почувствовала, что мать за дверью с трудом приходит в себя. И ощутила внутри себя разгорающийся бунт.

Вероника наконец успокоилась и шагнула в дом. И сразу на пороге наткнулась на дочь.

– Разве так можно жить, мама? – в лоб спросила Юлия.

Мать, конечно, могла бы сейчас отрицать, и она чувствовала, что должна все отвергать, чтобы оставить в душе у дочери иллюзию семейного благополучия. Но у нее не поворачивался язык на новую ложь. Она была унижительна, как унижительна вся ее жизнь. Вероника вздохнула и ничего не произнесла в ответ.

А Юлия захлебнулась, будто от сильного удара под дых:

– Как так можно жить?! Как?! Это пошло! Это ведь и мой позор, мама!

Вероника не узнавала лица дочери, оно было непокорным, чужим.

Юлия выпихнула из себя с отвращением:

– Ты все убила, мама. Я не хочу больше знать отца.

У Вероники не было сил, чтобы успокоить дочь. Да и вряд ли это удастся. Перед нею стояла не прежняя Юлия, которая всегда внимала ей, как завороченная. Это была другая Юлия, которую мать еще не знала. Вероника не защищалась, она просто обняла дочь и прижала к себе. Юлия не оттолкнула, хотя в ней билась мощная сила сопротивления. Обе стояли и молчали.

Из ванной вышел Валентин. Он был свеж, чист и причесан. Увидел у входной двери Веронику и Юлию. Подошел и кашлянул, давая знать о себе.

Юлия оторвалась от матери и посмотрела на мужа холодными глазами:

– Помылся? – спросила и грубо выплеснула: – А теперь убирайся!

– Ты что, Юлия? – оторопел Валентин.

– Уходи! Уходи навсегда! – отрезала Юлия, и лицо ее покраснело. – Никогда не возвращайся! – Схватила его за плечи и вытолкала за дверь. Светлые волосы на ее голове растрепались, резкими движениями она отбрасывала их назад и, как заведенная, повторяла: – Уходи! Ты мне не нужен! Никогда не нужен! Совсем не нужен!

Валентин растерянно оглянулся на тещу, ища ее помощи:

– Вероника Борисовна, – но поддержки в глазах Вероники не встретил.

Та опустила голову, произнесла:

– Да, Валентин, да. Делай, как она говорит.

У Валентина перехватило дыхание, он пытался что-то сказать, но его никто не слышал, он и сам себя не слышал, а губы шептали одно слово:

– Юлия, Юлия, Юлия.

Она закрыла за ним дверь. Он долго не двигался с места. А затем, не ощущая собственного тела, понуро побрел к калитке.

За калиткой рядом с его автомобилем стояла машина Истровской. Алла сидела за рулем и смотрела на Валентина через открытую дверцу. Его вид говорил о многом. Истровской не нужно было ничего объяснять, она все поняла.

Валентин чувствовал себя побитым псом, и жалеющий взгляд Аллы вызывал в нем раздражение и озлобленность. Он скривился:

– Чего смотришь?! Газуй отсюда! – Валентин никого не хотел видеть.

Алла вскинулась и показала зубы:

– Смени тон, мальчик! Я тебе не твоя теща! Со мной надо ласково! Я жду тебя. Я знала, что ты скоро выйдешь. Сейчас тут не до тебя. Да и вообще, не по тому полю ты топчешься. Здесь все пропитано заразой. И Юлька твоя, наверно, не лучше отца с матерью.

Валентин не понимал, чего от него хотела Истровская, зачем она ждала его. Убиралась бы восвояси, не мозолила больше глаза, без нее на душе кошки скребут.

– Кто еще есть в доме? – спросила Алла. Она не поверила Веронике, что тут нет Павла, и ждала ответа от Валентина.

– Юлия, – глухо отозвался он.

– И все?

– И все.

Истровская облегченно расслабилась и равнодушно поинтересовалась:

– Поругались?

– Она меня выгнала, – лицо Валентина медленно покраснело, ему было досадно это выговаривать, но других слов у него сейчас не нашлось.

Истровская обожгла Валентина громким смехом:

– Да ну? Молодец, девка! Вас, мужиков, надо постоянно мордой к асфальту прикладывать. – Резко прекратила смех. – Разлюбила, что ли?

В Валентине словно лопнула какая-то струна, неожиданно появилась ненависть к Юлии, необузданная и слепая, и он сорвался:

– Она и не любила меня. Стерва она, стерва и баста!

– Вот теперь все понятно, – проговорила Истровская с яростью, от которой у Валентина пробежал по спине холодок. – Мы все стервы, Валентин. Все до последней твари. Без этого нам нельзя, иначе ваш брат на шею усядется и ноги свесит! Вашу кобелиную породу на поводке держать надо. А теперь, раз все так хорошо сделано, поехали ко мне! Я надеюсь, ты уже не маленький и знаешь, зачем баба приводит к себе чужого мужика. Оправдаешь мои надежды, не упадешь в грязь лицом? Поехали! – уже командным тоном закончила Алла.

Валентин расширил ноздри, втянул в себя воздух и снова покраснел. Истровская хлопнула дверцей, и машина выбросила из-под колес землю, рванулась с места. Валентин затравленно оглянулся на дом, будто прощался с ним и со всеми, кто был в этом доме, решительно шагнул к своему автомобилю.

Алла гнала на бешеной скорости. На полпути круто затормозила, выехала на обочину. Остановила Валентина. Лицо ее горело, тело играло пружинисто и призывно. Прыгнула к нему в салон и впилась губами в его припухшие от ссадин губы.

Валентин робко обхватил ее. А потом начал жадно, с упоением целовать, словно мстил Юлии. Целовал так, как хотел бы целовать Юлию. Поймал подол платья, задрал, ладони замялись по горячим бедрам женщины.

Потом продолжительный стон Аллы и глухой рык Валентина слились и затихли.

Истровская не шевелилась, а Валентин ощущал в себе пустоту. Запах ее тела начинал давить, ему сделалось невыносимо душно. Он ждал, когда наконец Алла оторвется от него и выйдет из машины. Но она не спешила, восхищенно дыша ему в лицо:

– Милый мальчик, я так хорошо растворилась в тебе. Мы сейчас продолжим, – покусывала мочку его уха.

– Хватит. Иди в свою машину, – сказал Валентин, отворачивая лицо, но не отталкивая Аллу, чтобы не обидеть и не озлобить. Провел руками по ее бедрам. – У тебя красивое тело.

– Разглядел наконец, – довольно засмеялась она. – Лучше, чем у твоей Юлии.

Однако для Валентина лучше Юлии никого не было, и он нахмурился:

– Перестань! Я не сравниваю. Вы разные. Глупо все. И не напоминай мне о ней! – Перед глазами у него в этот миг возникло холодное лицо жены, а в душе с новой силой закипела боль. – Ненавижу ее!

Истровская внимательно посмотрела ему в лицо:

– А ты все еще любишь ее.

– Она мне жизнь поломала!

– У тебя еще не было жизни, чтобы ее ломать. Успокойся, я помогу тебе забыть о ней. Со мной тебе будет лучше, ты узнаешь, что такое настоящая страсть. А теперь поехали ко мне! – Алла рывком оторвалась от Валентина и села рядом.

Он не хотел ехать к Истровской, ему вообще больше не хотелось, чтобы она находилась рядом. Насупился.

– Смелее, милый мальчик, – подбодрила Алла, приняв его нежелание за нерешительность. – Ты уже попробовал мое тело, но еще не узнал его до конца. В нем много загадок для тебя. И много страсти. Поверь. Это целая планета. В машине не откроешь ее. В машине можно увидеть лишь немного, как в телескоп, но чтобы узнать планету, надо ее обследовать. – Она положила его руку себе на грудь. – Ты чувствуешь, какой жар идет изнутри этой планеты? Едем, едем быстрее. – Одернула подол измятого платья и выскочила из салона.

Валентин вздохнул. Истровская стремительно пробежала через дорогу к своей машине. Он подумал ей вслед, а ведь красивая, зараза. И по телу вновь поплыло тепло. Машина Истровской тронулась, и Валентин завел свою.

6

Павел Хавин возвратился в гостиницу. На пороге его встретила администратор:

– Ночью вас какая-то сумасшедшая разыскивала, – объявила быстро.

– Почему сумасшедшая?

– Да кто ж ее знает, почему она сумасшедшая? Я ей говорю, нет его в номере, а она не верит, прет напролом. – Администратор достала из стола ключ от номера и протянула Хавину.

– Как она выглядела? – спросил Павел, догадываясь, что это могла быть Истровская.

– Как сумасшедшая, – пояснила администратор. – Красивая, в красивом платье, с красивой прической. Вы, мужчины, любите таких. Налетела как ветер, побежала к номеру, тарбанила в дверь, чуть ли не ломилась. А потом испарилась. Я же говорю, ненормальная.

– Я знаю ее, – проговорил Хавин, – но она не сумасшедшая, вы заблуждаетесь. – Между тем подумал, что Вероника была права, предполагая поведение Истровской. Взял ключ и отправился в номер.

Он был под сильным впечатлением от того, что произошло в загородном доме Аспенских. Надо же такому случиться, угодил, как кур в ошип. Мать и дочь. Кто бы рассказал, никогда б не поверил, что обстоятельства могут так сложиться. И ничего не изменить, просто нужно принять как данность.

Сейчас он был выбит из обычной колеи. У него на первом месте всегда был бизнес. Поэтому и жен терял. Но теперь произошло нечто другое. И все неправдоподобно быстро. А он не сожалел об этом, ибо и дочь и мать были превосходны по-своему. Он начинал раздваиваться. А ведь это были случайные встречи. И как любые случайные встречи, они не должны были оставлять глубокого следа в душе. Однако эти женщины все перевернули в нем.

Кого бы из них он хотел больше, спрашивал Хавин себя и не мог определенно ответить на вопрос. По крайней мере, сейчас не мог. А также он не понимал, в какой роли находился между этими двумя женщинами. Был дискомфорт в душе, и мучила неопределенность.

В таких обстоятельствах хотел отказаться от встречи с Константином Аспенским. Не мог представить, какими глазами посмотрит на него. Не дурак же тот, чтобы не сообразить, что произошло. Впрочем, Павел никогда не бегал от трудностей. Всегда в бизнесе был пунктуален. Коли назначил встречу и пообещал Веронике помочь ее мужу в осуществлении проекта, слово надо держать. Сбежать значило бы стать обманщиком. Это не его стиль, не в его правилах.

Не раздеваясь, лег на деревянную кровать с низкими спинками, заложил руки за голову и долго смотрел в потолок. Пока не раздался телефонный звонок. Взял сотовый и услышал:

– Я не разбудил вас, Павел? – Это был голос Константина Аспенского.

– Нет, я не сплю.

– Вы назначили сегодня мне встречу.

– Я помню. Кстати, если вы уже проснулись, можете с документацией подъехать. – Павел встал с кровати, глянул на время.

– Тогда ждите, скоро буду, – отозвался Константин и отключил трубку.

Он вошел в номер уверенно, не улыбаясь, с небольшой папкой в руках. Плотный крепкий мужчина с покатыми плечами и мощными бедрами, Аспенский ступал на пол прочно, как будто не ноги ставил, а бетонные столбы. Протянул руку Хавину для пожатия и смотрел на Павла, не отрывая взгляда, словно спрашивал, понравилась ли Хавину в постели его жена. Павлу почудилось, что Константин точно знал, что произошло между ним и Вероникой. Пройдя к столу, за которым сидел Павел, Аспенский сразу раскрыл папку. Выложил бумаги.

Хавин погрузился в них. Аспенский сел напротив, наблюдая молча, без эмоций. Спокойствие Константина было уверенным, он явно не сомневался в конечном результате переговоров. Это несколько коробило Хавина.

Проект был слаб, расчеты никуда не годились. Требовалась серьезная доработка. Доходность проекта в этом городке была под большим сомнением.

Аспенский ждал решения Хавина. А тот был в трудном положении. Отказать не мог, но дать согласие на сырой материал тоже было безрассудно. Он отодвинул бумаги:

– Тут нужна экспертиза.

– Какая экспертиза? – не ожидал Аспенский, слова Павла поставили его в тупик, он хотел услышать другой ответ. – Тут без экспертизы все ясно.

– Здесь изложена идея с предложениями, но на проект это не тянет, – отозвался Хавин, прижимаясь к спинке стула. – Кто вам делал бумаги? С вас просто сорвали деньги и все.

– Ну, хорошо, допустим, вы правы, но неужто эта идея не стоит свеч? – Резкие грубоватые черты лица Константина чуть оживились.

Павел подумал, что поспешил со своим обещанием Веронике:

– Вкладывать деньги стоит в хорошие идеи, – ответил Аспенскому, – когда они могут принести доход.

– Вы хотите сказать, что у меня плохая идея, что я не настолько умен, чтобы организовать новый бизнес? – Голос Константина приобрел металлический оттенок, зазвучал жестко и враждебно. В этот момент Аспенский подумал о Веронике, и в душе появилось зло на нее, ибо она плохо выполнила работу. Переоценила себя. Стала терять хватку. Хавин просто обманул ее, ведь в постели можно обещать что угодно. А она повелась на это.

Мысли Аспенского прервал голос Павла:

– Речь не о вас. Я думаю, как бы я поступил на вашем месте.

– На моем месте я сам знаю, как мне поступать! – грубо отрубил Константин. – Вы на своем месте примите решение.

Павел представил лицо Вероники. Нет, отказать ей он не мог. Он примет любую идею, даже самую бездарную, и постарается выудить из нее золотую рыбку. Даже если Вероника все подстроила. Предложила ему загородный дом, легла с ним в постель. А он угодил в ее сети. Но теперь, когда понял это, все-таки не собирался давать задний ход.

Кто бы мог подумать, что у такого грубоватого человека, который сидел перед ним и тупо смотрел ему в глаза, были красавица-жена и красавица-дочь. Уж точно пути господни неисповедимы.

Аспенский ждал решения. Оно могло быть только одним: найти грамотных специалистов в этой области, заново перетряхнуть идею, сделать новые расчеты и рискнуть. Кажется, Павел начинал погружаться в мутное болото. Никогда прежде никому он не давал втягивать себя в сомнительные проекты. Но женщины поистине могут все. Мастера рискованных игр и приключений.

Хавин поднялся из-за стола, и Аспенский встал за ним следом.

– Оставьте это у меня, – сказал Павел, положив ладонь на бумаги. – Я постараюсь сделать все возможное.

Такие слова явно не устроили Аспенского, он понимал неконкретность ответа. Ни слова об инвестициях. Константин нахмурился и набылчился. Вышел от Хавина неудовлетворенным. Недоработала Вероника, недоработала. Надо дожимать, пока не поздно, надо дожимать.

Павел вздохнул, надо же, взвалил себе на шею глупые амбиции самоуверенного человека. День начался на минорной ноте. В окно били лучи солнца.

Он задумчиво походил по небольшому чистому номеру и вновь прилег на кровать. Тревожные мысли не давали покоя. Не заметил, как прикрыл глаза и провалился в сон. Но скоро сквозь сон услышал, что скрипнула дверь. А потом уловил скрип стула около кровати. Вздрыгнул и открыл глаза. И не поверил, что сон прервался. Женская фигура на стуле словно завожила.

– Это ты? – Он не узнал собственного голоса. – Ты здесь?

– Я здесь, – отозвалась через непродолжительное время Юлия, она смотрела на Павла отчужденно и даже враждебно.

Ему не хотелось бы, чтобы она так смотрела на него. Он оторвал голову от подушки и медленно сел на кровати. Лицо Юлии было близко, оно было прекрасно. Павел спросил:

– Ты все рассказала матери?

В глазах Юлии появилась досадливая усмешка:

– Нет. Я ведь уже не ребенок, чтобы всем делиться с нею, тем более в такой момент.

Павел в эту минуту не знал, как он должен отреагировать: обрадоваться или, наоборот, сожалеть, что все так и осталось тайной. С угрызением совести проговорил:

– Я не знал, что она твоя мать.

Он будто оправдывался перед Юлией, хотя не чувствовал никакой вины, ведь его с нею не связывали отношения. Только случайная ночная встреча.

Юлия посмотрела раздраженно:

– Это ничего не меняет. Я пришла сказать, что я ненавижу вас и что ничего между нами не было! Вы слышите?! И я больше не хочу, чтобы вы еще встречались на моем пути!

– Я знаю, – ответил Павел. – Ты уже говорила мне это.

Голос Юлии вдруг задрожал и как-то тихо поплыл:

– Как вы только могли, как вы посмели лечь в постель с моей матерью?

– Я же сказал, что не знал этого, – повторил Хавин.

– Вы обыкновенный бабник, Павел Сергеевич! – выдала она. – Вам все равно, в чью постель забраться! – Юлия вскочила со стула, вспыхнула и покраснела, дернула светловолосой головой, и голос надломился, как будто громко всхлипнул. – Ненавижу, ненавижу, ненавижу!

– Мне горько это слышать, – грустно отозвался Павел, – потому что я не могу забыть тебя, Юлия.

– Это ложь, все ложь! Вы лжец, Павел Сергеевич! – Обида захлестнула Юлию.

– Все так запутано, Юлия. – Павел стал на ноги, наблюдая за меняющимся лицом девушки.

Она сделала паузу:

– Я все знаю, я знаю, почему это случилось. Я знаю больше, чем вы.

Павел коснулся ее волос:

– Забудь об этом, Юлия, ты мучаешь меня. – Взял за плечи, оторвал от стула, заглядывая в глаза.

– А вы меня нет? – воскликнула девушка. – Вы поломали всю мою жизнь!

Она в этот момент показалась ему обиженным ребенком, которого нужно было пожалеть. Павел обнял ее.

– Я бросила мужа, – выдохнула она. – Он все видел в гостинице, дверь была открыта.

Павел прижал Юлию к себе. Ее тело, ее запах вновь начинали будоражить его. Оживлять в нем то безумие, которое появилось, когда он первый раз прикоснулся к ней. И он произнес с грустью:

– Я приношу женщинам одни несчастья. Но я не могу забыть тебя. Ты что-то перевернула во мне. Ночь с тобой была волшебной.

– Не было никакой ночи, это вам показалось – Юлия ненастойчиво попыталась высвободиться из объятий, но он не выпустил, Юлия подняла лицо. – Вы бабник, – проронила она.

Хавин поцеловал ее.

– Все равно бабник, – повторила она.

Павел опять поцеловал ее. Он целовал ее глаза, щеки, губы. Она не сопротивлялась. Так они стояли долго. Их тела трепетали. Наконец она прошептала:

– Я пойду, мне надо идти, – но руки продолжали обнимать его за шею. – Я вам все сказала.

– Я не хочу, чтобы ты уходила, – сказал он.

Юлия уткнула лицом ему в грудь и какое-то время тихо молчала, прежде чем произнесла:

– А я не знаю, чего я хочу, я ничего не знаю сейчас.

– Ты тоже не хочешь уходить, – ответил Хавин и поцеловал ее висок.

Девушка отстранилась, продолжительнее посмотрела ему в глаза:

– Да, не хочу, – сказала твердо. – Но я уйду, потому что не собираюсь больше разочаровываться! Это невыносимо! – Она решительно отступила от Павла, развернулась и быстро выскочила из номера, оставив Хавина в растерянности.

Отбросив грустные мысли, Павел поправил постель, привел в порядок себя, собрал со стола бумаги и вышел за дверь. Водитель ждал в фойе в кресле возле администратора. Хавин отдал ему бумаги, распорядился:

– Положи в машину. Уезжаем. Больше сюда не вернемся, – протянул администратору ключ, спросил: – Проверять номер пойдете?

– Потом посмотрю, – ответила женщина. – Чего там проверять? Вы почти в нем не находились. Мало погостили у нас. Приезжайте еще. Приедете?

– Кто знает, – неопределенно ответил Хавин и направился к выходу.

– Ничего-то вы, мужики, не знаете, только бабы страдают от вас, – сказала администратор, глядя ему в спину.

Когда Павел подошел к машине, в кармане у него зазвонил телефон. Анатолий Адаевский спрашивал, во сколько ждать Хавина к столу:

– Давай, не тяни там. Людмила уже накрывает на стол. А то называется, приехал в гости, а сам пропадаешь по чужим углам, – голос Адаевского строчил словами, как пулями из автомата. – Ждем, не начинаем без тебя!

Павел сел в авто, бросил взгляд на гостиницу. В боковом высоком окне первого этажа маячила фигура женщины-администратора. Небольшое здание в два этажа с красиво оформленными балконами было облитое слепящим солнечным светом. Интересный фасад и хорошо оформленный вход. Хавин отвернулся и хлопнул дверцей. Фигура администратора в окне исчезла. Машина тронулась с места.

Загородный дом Адаевских также купался в солнечных лучах. Металлический забор с кирпичными столбами смотрелся в ярких лучах, как новый. Хотя Хавин хорошо знал, что новым он давно не был. Припарковались. Водитель заглушил мотор.

Павел не успел еще выйти из машины, как калитка отворилась и показался Анатолий, словно стоял с другой стороны и ждал. Худой и длинный, он нескладно пошел навстречу Хавину:

– Ну, наконец-то. Что-то долго ехали, как будто кота за хвост тянули.

Водитель смущенно почесал затылок и промолчал.

– Пока вы катались по дорогам, – продолжал Адаевский, – я надумал, как мы с тобой проведем время, Паша. Не сидеть же нам в доме и слушать женскую трескотню. Ты помнишь, чертяка, как мы на рыбалку ходили?

Этот вопрос привел Хавина в небольшое замешательство. Конечно, он помнил, потому что это был первый и последний раз в его жизни. Но это было так давно, что он никогда не вспоминал об этом. Павел никогда не был рыбаком, как, впрочем, и охотником. Это Адаевский любил порыбачить. Однажды он и потащил Павла с собой. Хавин помнил, как сидел с удочкой у воды, смотрел на неподвижный поплавок и удивлялся, какой странный народ эти рыбаки: готовы часами смотреть на поплавок и молчать, как рыба об лед. Даже Анатолий, язык которого мог долго не останавливаться, и тот на рыбалке умолкал и на всякий шорох оборачивался и недовольно шикал. И пояснял Павлу:

– Рыба она все слышит, она даже слышит, о чем ты думаешь, поэтому и не идет к тебе на крючок.

Хавин помнил, что в ту рыбалку он не поймал ничего, а Анатолий то и дело снимал рыбу с крючка. Зато уха на природе Павлу понравилась.

Адаевский сейчас хитро подмигивал:

– А не хотел бы ты еще разок костерок запалить, Паша? – Иначе говоря, Анатолий предлагал ему сходить на рыбалку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.